

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЭДВАРД СКАЙ

18+

ЗАПИСКИ
НОЧНОГО

Ангела

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА

ЛитРес: СамиЗдат

Эдвард Скай

Записки Ночного Ангела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64842233

SelfPub;

ISBN 978-5-532-97371-8

Аннотация

Реальные люди. Реальные поисково-спасательные операции. Реальные истории о работе Добровольческого поисково-спасательного отряда "Лиза Алерт" и Вертолетного поисково-спасательного отряда "Ангел".

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
2011. Тверская	11
Моя «Постоянная Комиссия по изучению племенного состава населения России»	24
2012. Наро-фоминский	27
2012. Можайский	33
Мое «Похороните свои ожидания и живите счастливо»	41
2012. Мытищи	43
2012. Орехово-Зуевский	52
Моя «Дополненная реальность в авиации»	64
2013. Град Московский	67
2013. Наро-Фоминский	78
Мое «Формирование познавательных действий у старших дошкольников»	95
2013. Подольский	98
Моя «Зона комфорта»	107
2014. Новая Москва	111
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Эдвард Скай

Записки Ночного Ангела

Предисловие

Тысяча двести футов по QNH. Мы летим в ночном неспокойном небе. Нижний край облаков местами провисает до самой земли, словно вываливая из своего сплошного свода ватные сталактиты сырой серой хмари. Я стараюсь действовать на управление как можно мягче, парируя эволюции вертолета, пытаюсь не допускать потери скорости, которая, тем не менее, временами падает до восьмидесяти узлов в час, невзирая на все мои усилия. Вертолет борется с сильным встречным ветром. Двести семьдесят лошадей турбины двигателя тащат нас вперед, через непогоду, к родному Хелипорт Москва. Еще сорок минут нам болтаться в этом негостеприимном и неласковом небе. Взгляд автоматически сканирует приборную доску, отмечая положение стрелок в секторах – высота, скорость, курс... высота, скорость, курс, параметры работы двигателя. В гарнитурах тихо мурлычет французская певица ZAZ со своей вкрадчивой песенкой «*Qué vendrá*». Кипящий в крови адреналин после завершения поисково-спасательной операции понемногу затихает, уступая место потоку мыслей на отвлеченные темы. Мед-

ленно тянутся навстречу яркие и теплые огни поселков, тут и там рассыпанные по черному бархату непроглядной ночи и соединенные желтыми бусами дорог. Топлива у нас достаточно, а значит, моя задача – просто довести машину до родной площадки. Саша Михайлов сидит в командирском кресле справа и неизменно курит, глядя вперед. Я понимаю его усталость и не лезу с разговорами. Он оживет минут через пятнадцать, когда сойдет напряжение последнего часа, когда утихнет адреналиновая буря в крови. Он снова станет тем веселым парнем, каким его знает добрая половина тех, кто занимается поисками пропавших людей в природной среде. Здесь, в небе он бывает другим. Мы давно летаем в одном экипаже и уже привыкли друг к другу, привыкли не обращать внимания на слабость или металл в голосе. Мы просто выполняем свою работу.

Внезапно я ловлю себя на мысли, которая постепенно становится очень навязчивой и липкой – «как я здесь оказался?». Как так получилось, что, находясь почти десять лет назад в точке А, я оказался здесь, в точке Б, и эти две точки совершенно не связаны между собой? Две совершенно разные жизни. В это же самое время десять лет назад я наверняка был на каком-нибудь корпоративе в Дубае или на чьем-нибудь дне рождения... или в гостях у друзей. А сейчас я здесь, в кабине поисково-спасательного вертолета, борюсь со встречным ветром для того, чтобы вернуться на базу, взять еще топлива и, невзирая на дождь и ночь, снова вылететь на

очередную задачу по поиску и спасению пропавших в природной среде.

Несмотря на все настойчивые усилия судьбы, я так и не стал линейным пилотом. Пройдя очень приличную, еще советскую школу ДОСААФ, я имел все шансы и возможности уйти в большую авиацию. Несколько раз инструкторы разных авиакомпаний, в которых я работал, предлагали бросить уже работу на земле, конвертнуть мое пилотское через хитрую систему летных училищ гражданской авиации и сесть за штурвал «боинга». Я поначалу даже радовался возможности снова вернуться в небо. Но... слетав пару раз, как у нас говорят, «заплечным» (в третьем, откидном кресле обзервера), на реальных, регулярных рейсах, я полностью разочаровался в летной работе линейного пилота авиакомпании. Мне показалось это настолько скучным, что я даже не мог поверить, что все кругом называют это летной работой. Разбег. Скорость принятия решения. Отрыв. Безопасная (скорость) набора. Шасси убраны, закрылки убраны, и включен автопилот. Всё! Под тобой либо сплошная облачность, либо google-карта. А где полет? Ты летишь, как мешок с песком, пристегнутый лямками ремней в пилотском кресле, на высоте подписанного эшелона. Ты ничем не управляешь. Тебя тащит по маршруту FMC – твой электронный штурман. Это он управляет самолетом, это он плавно входит в поворот на очередной маршрутной точке со строго предписанным креном. А ты сидишь в это время и заполняешь бумаги, выданные тебе

перед полетом твоей производственно-диспетчерской службой. Из всей летной работы на тебе остался только радиообмен с диспетчерами по маршруту. Нет ни ощущения скорости, ни ощущения полета, ни ощущения высоты, ни ощущения, что именно ты здесь пилот. И осознание того, что пилотируешь не ты, а чертов компьютер, наглухо отбило у меня желание лезть в большую авиацию. Из всей летной романтики тебе оставили лишь одно – «каждый день – на ремень» (то есть ежедневная явка на вылет, с последующим пристегиванием себя ремнями в пилотском кресле).

Конечно, не развалились все в девяностых, наверняка моя судьба сложилась бы иначе. Но когда по всей стране внезапно пропал сначала керосин, а потом и запасные части к авиационной технике, мне волей-неволей пришлось искать работу на земле. Я занимался всякой ерундой, пытаюсь найти себе место среди тех, кто понятия не имеет, как пахнет аэродром ранним утром, параллельно глядя, как по всей стране распродается на лом за бесценок имущество аэроклубов ДОСААФ, понимая, что подобную систему не восстановить уже никогда. А это значило для меня только одно – летать, как раньше, я уже не смогу. Некуда, не на чем и незачем. Все рухнуло.

Постепенно в начале двухтысячных коммерческая авиация начала восстанавливаться. Объявили первый набор авиакомпании с переучиванием пилотов на тип с последующей отработкой.

– Эдя! Айда в «Сибирь»! Там контракт на пять лет, а после ты свободный человек – говорили знакомые и друзья, решившиеся-таки отучиться на новый для них тип за счет авиакомпании.

Я не решился. Такая кабала... так мне казалось. Чудовищная сумма, по тем временам сравнимая с ипотекой, которую тебе придется отработать. Не пошел. И чертовски рад теперь этому. Представляете? Вляпаться на пять лет в летную работу, которая лично тебе не нравится и, по твоему же мнению, не является летной (без обид, ребята). Худо-бедно началась земная жизнь с ее уже взлетами и падениями (к счастью, здесь все это вещи иносказательные). Потом я впрыгнул в уже мчащийся на всех парах локомотив коммерческой гражданской авиации и прочно окопался, что называется, «в штабе». Но небо манило всегда. Изредка мне удавалось подлетывать, или, как у нас говорят, подержаться за рога – на скопленные деньги в разных аэроклубах, открытых на обломках тех самых клубов ДОСААФ. Техника там была уже другой, чаще импортной, и на какое-то время такие полеты, что называется, охотку сбивали.

С годами я рос в должностях, что постепенно давало больше свободного времени, которое потратить было решительно не на что. Точнее, оно, конечно, тратилось, но все как-то бестолково. А главная проблема – одинаково.

Где-то в сентябре 2010 года, перебирая всякую всячину в интернете, я натолкнулся на странное, на мой взгляд, сооб-

щение – «требуется добровольцы на поиск ребенка в лесу». Наверняка многие помнят 2010 год. Он запомнился москвичам летней температурой за сорок градусов и страшными лесными пожарами, которыми было объято сразу несколько областей вместе с Московской. Из-за дыма пожаров неоднократно закрывались на прием-выпуск воздушных судов аэропорты Московского аэроузла. Наиболее активно традиционно горели Шатура и Орехово-Зуево. Где-то в сентябре в орехово-зуевские леса забросили воинские инженерные части, которые как раз должны были обводнить горевшие торфяники. Иными словами, по представлениям моим и любого другого обывателя, именно в сентябре в тех краях среди лесов и болот должно было находиться «пять отборных дивизий», которые занимаются обводнением лесов. И тут вдруг клич в интернете: «Помогите! В лесу пропал ребенок!»

Ну не бред? Я никак не мог поверить в реальность подобного, ибо... а МЧС же есть и военные?! Сообщение висело не один день, более того – оно копировалось по другим форумам. На некоторых отписывались люди, которые доехали до места в Орехово-Зуевском районе и уже успели поучаствовать в поиске. Оказалось, что все это реальность. Оказалось, что искать пятилетнюю девочку, пропавшую в лесу, просто некому! Сейчас в интернете полно исчерпывающей информации о том, как все происходило, и поэтому я не стану здесь на этом останавливаться. Просто наберите в поисковой строке «Лиза Фомкина», и вы получите всю информацию о том

событии, которое привело меня в поисковую тему, а после просто выпихнуло в небо. В настоящее – мое небо.

2011. Тверская

Первый раз я увидел Сашу Михайлова на поиске в Тверской области. Скажи мне кто-то тогда, что я буду летать с ним в одном экипаже, я бы очень сильно удивился. Саня уже тогда был личностью легендарной, и его позывной «Лодочник» был известен всей стране, благодаря его рассказам на форуме авиационной тематики о полетах на летающей лодке. На момент описываемых ниже событий Саша, которому к тому времени стало скучно летать на самолетах, уже начал осваивать вертолет и в поисках принял участие именно на борту вертолета.

Авиация не прощает ошибок, и, увы и ах, вертолеты иногда падают.

Дело было осенью 2011 года, ноябрь месяц. В тверских болотах, рядом с Оршей, пропал Robinson-44. Небольшой, одномоторный, четырехместный вертолет, на борту которого был только пилот. Погода, как водится, дрянь... местами уже начал выпадать снег. Болото, грязь, туман, сверху непроглядная хмарь, температура болтается около ноля. Полный набор... все как мы любим. Вводные паршивые.

Вертолет взлетел с одной площадки и в сложных метеоусловиях так и не прибыл к месту назначения. На воздушном судне был установлен аварийный маяк системы КОСПАС-САРСАТ. Он срабатывает в ручном и автоматиче-

ском режиме... в автоматическом – когда ударная нагрузка превышает расчетную. Маяк сработал... Спутник засек три срабатывания при прохождении района катастрофы. Проблема в том, что маяк не имеет модуля GPS, точность определения местоположения при таких условиях двадцать девять квадратных километров, а разброс точек на все три срабатывания показал зону поиска в триста квадратных километров. Что такое триста квадратных километров болот на поиске? Давайте считать... Группа из шести человек закрывает квадрат леса пятьсот на пятьсот метров где-то за восемь часов. Леса... Но не болот... Скорость передвижения по болоту несравнима с прохождением сухого участка. В лесу можно передвигаться со скоростью до трех километров в час, по болоту, согласно GPS, она падает до пятисот метров в час, то есть становится ниже в шесть раз. Даже если посчитать грубо, то нужно в шесть раз больше ресурсов на закрытие того же квадрата. Один квадратный километр – это четыре квадрата пятьсот на пятьсот метров и тридцать два часа в обычных условиях или сто девяносто часов в условиях болот. Триста квадратных километров – это девять тысяч шестьсот часов для одной группы в обычных условиях или пятьдесят семь тысяч шестьсот часов в условиях болот... это две тысячи четыреста дней... или шесть с половиной лет непрерывного поиска. Впечатляет, не правда ли. Разумеется, группа не одна и не две... но и не тысячи их. Если на поиск придет триста человек, мы сможем организовать пятьдесят

групп, которые и в этом случае потратят сорок восемь дней без сна и отдыха на осмотр всей территории. Вот она основная печаль истории поисков... людей всегда не хватает. Это все для понимания масштаба проблемы, а далее, собственно, сама история.

Днем отработала авиация АКПС (авиакосмический поиск и спасание), они пытались запеленговать маяк с воздуха, локализовать район поиска и по возможности обнаружить место крушения. К сожалению, на аварийной частоте маяк предательски молчал. К вечеру мы выдвинулись колонной по Ленинградскому шоссе в сторону Твери.

Примечательно, что местом сбора служила парковка у Макдональдса, на которую помимо более или менее знакомых поисковиков подъехали два неизвестных «тела», причем – пешком. Собственно, приехать на место сбора на такси, чтобы потом поехать на поиск с кем-нибудь из экипажей, не такая уж и редкость. Но вот приехать в состоянии «лыка не вяжем» – это для поисковых операций нонсенс. Все сначала повозмущались, потом посмеялись, ибо оказалось, что парни рванули впервые, и сообщение о поиске застало их за праздничным столом. Ничего умнее они не придумали, кроме как собраться и поехать, ибо оба давно уже собирались, но в связи с окончанием сезона, поисков не случилось. Лена Горячева (позывной «Кипяток»), громкая, вечно бурлящая неумной энергией и энтузиазмом, руководившая на тот момент сборной колонной, мягко, но настойчиво спровади-

ла обоих, не совсем трезвых друзей, домой, так как правила ведения поисково-спасательных работ совершенно прямо запрещают участие в поисках лиц в состоянии алкогольного опьянения. Сто пятьдесят километров ехали мы довольно долго, чем ближе к району поиска, тем хуже дорога, а АЗС вообще остались где-то там за спиной, в цивилизации. На месте разбиваем лагерь, и основная часть добровольцев ложится спать... нужно начать поиск с рассветом, ночью осматривать болота бесполезно.

Одна группа во главе с Володей (позывной «545») с пеленгатором до утра объезжает район, пытаясь засечь хотя бы слабый сигнал аварийного маяка... впрочем – тоже безрезультатно. 545-й по возвращении был недоволен. У него серьезный опыт радиолюбителя, включая организацию и проведение соревнований по радиоспорту. Но большая куча радиооборудования, которую он привез с собой на поиск в надежде «услышать» в белом шуме радиоэфира умирающий аварийный маяк вертолета, увы, никак не помогла. Маяк предательски молчал.

Именно 545 в начале становления отряда разработал и внедрил алгоритмы и стандарты связи, действующие до сих пор в том или ином виде. Он притащил свой опыт в виде соревнований по всем известной радиолюбительской игре. Да-да. Та самая «охота на лис». Именно оттуда пришли позывные поисковых групп «Лиза Алерт».

Мы все встаем еще до рассвета и формируем группы, что-

бы с восходом выдвинуться в заданные квадраты.

Вот тут-то я впервые и увидел Лодочника. Чуть старше меня, с сединой и колючими глазами и с неизменной сигаретой в зубах. Он режет прямо в толпу короткими, четкими фразами, тоном, не терпящим возражений. Присутствующие слушают его, не перебивая и не задавая вопросов. Даже те, кто понятия не имел о том, кто этот одетый в летную куртку человек, рассказывающий им все известные детали происшествия, слушали его и понимали, что все, что он говорит – безоговорочно важно. Это гораздо позже я узнаю, что там он был вовсе не тот, что в жизни. Он был собран и серьезен, потому что повод, по которому здесь все собрались, не был ни позитивным, ни легким... и вообще печальным. Это гораздо позже Саше удастся вдохновить и сплотить вокруг себя пилотов, и из этого коллектива появится вертолетный поисково-спасательный отряд «Ангел». Будут и совместные тренировки, и разработки методик поиска с воздуха, праздники на аэродроме Кудиново, и вечера за кофе в Хелипорт Москва и Буньково, анекдоты, авиационные байки... бесконечное количество выкуренных вместе сигарет, и сотни часов налета. Но сейчас об этом еще не знаем ни я, ни Саша, ни кто бы то ни был на этом свете.

Нас построили на инструктаж. Ищем вертолет, а не человека, и поэтому Саша объясняет нам, что именно мы ищем. Саша собран и хмур. Он резко и четко описывает все особенности местности, которые могут быть определены, как место

крушения вертолета. Первая печальна новость – нет, мы не увидим вертолет. От него, скорее всего, мало, что осталось. Мне и ранее доводилось видеть места катастроф, я примерно понимаю, как выглядят обломки такого небольшого воздушного судна. Максимум что мы найдем – это двигатель, завернутый в лохмотья фюзеляжа. Это, конечно, в том случае, если он не упал в болото и не утонул. В этом случае, правда, тоже должна остаться хвостовая балка и, как вариант, радужные разводы от разлившегося топлива и масла. Вторая печальная новость – мы ищем вертолет белого цвета, посреди берез и болота, на которое только что насыпался свежий снег. Первые три группы отправляются в точки срабатывания маяка. После, от каждой необходимо начать осмотр по расходящейся спирали и закрыть как можно больше территории до захода солнца. Нашей группе достается самая дальняя точка.

Мы запрыгиваем в подготовленный для серьезного бездорожья джип поисковика с вызывающим позывным «Арчер». Довольно неплохо знающий все хитрости борьбы с бездорожьем, Арчер был хорошо известен в отряде своей манерой говорить любому правду прямо в глаза, тщательно и, до противного, интеллигентно подбирая слова, при этом всю остальную свою речь в обычной жизни он запросто пересыпал отборным матом. Вездеходом Арчер, матерясь на хитрые ловушки жалких остатков лесной дороги, забросил нас поближе к точке, насколько это возможно. Это самое «по-

ближе» получилось далее четырех километров. Их нам придется пройти по болотам и после еще отработать на точке и вернуться. Попутно за одним осмотрим все, что пройдем до места. Особое внимание на сам лес... верхушки деревьев (как мы считали тогда, падая, вертолет, даже такого размера, должен сломать хоть пару веток). Беда в том, что лес на этом болоте сплошная береза. Три четверти березовых стволов повалены вместе с корневищем... и где-то среди этого белого бардака лежат обломки белого вертолета.

С рассветом начинает работать авиация. Такие же волонтеры, на своих вертолетах, просматривают подстилающую поверхность с воздуха. На мне висит рация авиационного диапазона, так как в нашей группе только я умею вести авиационный радиообмен. Пару раз связываюсь с Лодочником на предмет уточнения всяких деталей по поиску, по запросу старшего группы. Саша, сосредоточенный на поиске, отвечает неохотно и коротко. Я вижу его борт, проходящий над нами галсами от горизонта до горизонта, но на тот момент я еще понятия не имею, как выглядит поиск на сверхмалой высоте с борта вертолета. Лишь несколько лет спустя я окончательно волеюсь в состав вертолетного поисково-спасательного отряда «Ангел» и подобные вылеты станут для меня рутиной. Но на момент описываемых событий еще не существовало даже идеи подобного аварийно-спасательного формирования. Поэтому я бодро шлепаю по болоту, временами связываюсь с бортами и занимаюсь тем, что на долгие годы

определило мою дальнейшую судьбу.

В штаб начинает стягиваться внедорожная техника. Приезжают квадроциклы. Им дают задачи по поиску, и они колонной уходят в горизонт на осмотр всего, до чего смогут дотянуться. Возникает серьезная проблема со связью на земле. Расстояния таковы, что мы тупо не добиваем до «Зари» (позывной штаба поисково-спасательных работ) своими портативными радиостанциями. Работа в полном «автономе» не редкость для работающих на дальнем периметре, но на этом поиске абсолютное большинство поисковых групп оказалось без связи вообще. Джипы забрасывают группы на точки, далее они уходят в лес... и если повезет, то сообщить что-то смогут, если поймают сигнал GSM (а с ним тоже напряженка). Выдвинули пару ретрансляторов к месту поиска, но весь район охватить все равно не получилось. Уж очень велика эта самая зона. Где-то в соседних квадратах лазят по тем же болотам бойцы МЧС. Но мы их не видим и не слышим, у них свои частоты связи, и вся координация осуществляется только на уровне штабов. В те времена вообще не существовало смешанных групп на поисках в природной среде, где вместе бы шли добровольцы и спасатели. Только авиация могла сверху наблюдать работу всех групп одновременно.

Ломимся по болоту... пытаюсь разглядеть хоть что-то среди хоровода берез, в глазах начинает рябить уже минут через тридцать. Лес... болото... снова лес, канавы, наполненные водой. Тонкий лед, припорошенный свежим снегом. Ку-

да ни взгляни – везде до горизонта лишь угрюмый серый пейзаж увядшей осенней природы. Ландшафт непростой... основная часть – выгоревший на тридцать сантиметров слой торфа, из-за чего деревья повалены вместе с корнем... те редкие, что стоят, обломаны поперек стволов... завалы из березняка повсеместно, под стволами часто вода... все это припорошено снегом. К сожалению, вывороченный с корнем березовый ствол до неприличия напоминает белую хвостовую балку с остатками двигателя... Пару раз ловил себя на мысли, что «вот оно» и даже TailNumber (номер воздушного судна, пишется на хвостовой балке вертолета крупными контрастными знаками) практически различим... но, пройдя метров двести ближе к объекту, я понимал, что чудовищно ошибся...

Обычно слышишь группы и примерно представляешь соседей, тут в эфире практически тихо... ну разве что вертушки над головой при схождении отрабатывают стандартные фразы по радиообмену:

– Наблюдаю слева.

– Разошлись левыми.

Идти тяжело... вот откровенно тяжело. Перелазишь через поваленные стволы, под ними хлопает вода, поверх стволов иней... Совершенно не к месту где-то в стороне выстрелы. Явно кто-то пошел на охоту... район правда себе выбрал неудачный. Вероятнее всего, все зверье уже свалило подوبرу-поздорову из этого района, наполненного шумом людей,

двигателей машин и вертолетов. Вдобавок к выстрелам, прямо из-под ног выпрыгнул заяц и помчался прямо вдоль цепи поисковиков, перепугал зараза. Жирный... уже перелинял в зимнюю шубу. Доходим до точки. Ноги уже разбиты... с таким количеством препятствий страдают колени и голени. Ничего серьезного, идти, конечно, можно... завтра все будет болеть... завтра, не сегодня.

Недолго отдыхаем и начинаем отрабатывать по расходящейся спирали, насколько сможем. Пейзаж однообразен... болото, болото, болото и нескончаемые поваленные стволы до горизонта. По радиии докладываем друг другу, что у всех без результата. Собираемся вместе и прикидываем, как и куда выходить. В теории можно запросить вездеход для эвакуации, но для этого нужна связь, а ее нет. Придется двигаться обратным маршрутом к штабу, а уж там, если повезет, через ретранслятор сможем вызвать вездеход. По дороге обратно уже в лесу начинаю слышать рокот двигателя, кто-то явно ломится через лес, так как по карте дорог здесь нет и никогда не было... да что там дорог... просек и тех нет. Все это кажется нереальным, но спустя минут пятнадцать я действительно вижу нехило подготовленный внедорожник, который буром прет прямо по лесу, по принципу: все, что валится бампером – трава...

По лесу катился странного вида УАЗ, точнее, это явно было когда-то УАЗом, теперь же это больше похоже на двухместный багги. Рывкающий мотор выдавал натуженный звук

каждый раз, когда машина натыкалась бампером на очередной березовый ствол, а, повалив его на землю, издавал ритмичное чавканье... со стороны, казалось, что поваленные стволы постепенно пережевываются по мере продвижения внедорожника. Клево... но нам прокатиться на нем не светит... в машине нет мест, и она на задаче, поговорили с экипажем и пошли своей дорогой. Вышли к мелиоративной канаве... там встретили еще одну группу... У них один боец с травмой, и для него уже вызван транспорт на эвакуацию, но, пока мы ждем, рядом с нами появляются возвращающиеся с задачи квадроциклисты, пострадавшего и еще одну девушку из соседней группы они готовы взять до штаба, больше мест у них нет. Посидев после их отъезда еще минут пять, мы выдвигаемся навстречу вездеходу по ошметкам дороги, проложенной через остатки леса.

Где-то через полчаса встречаем рычащую полноприводную зверюгу, продирающуюся за нами по разбитой колее. В жуткой тесноте, но в тепле прибываем в штаб. Далее доклад координатору поиска о том, что мы осмотрели и долгожданный отдых.

На костре нас ждал горячий чай, суп с мясом и рагу из баранины. Кашеварил на кухне Банши (радиопозывной Михаила, который знали все поисковики, ибо кухня – это чуть ли не самое желанное место после многочасовой вылазки по сырому, холодному лесу), заботливо наливая в тарелки горячее и подтаскивая к костру особо стеснительных поискови-

ков, он всегда проверял все ли накормлены и точно ли никого не пропустили и не обделили горячим. Неизменно пыхая своей трубкой и пуская дым во все стороны, он с прищуром спрашивал у каждого, ел он сегодня или нет.

К сожалению, Банши уже нет в живых, но память о нем хранится в отряде и в сердцах тех, кого согревал его горячий ужин у неизменного жаркого костра рядом с холодным и мокрым лесом.

Я держал горячую тарелку, из которой валил густой пар, запах рагу щекотал нос, травмы, полученные в лесу, потихоньку отходили на второй план, боль утихала, уступая место теплу и сытости. В такие минуты начинаешь думать, что никогда ничего вкуснее не пробовал. Возвращались и другие группы... По слухам, где-то в этом бардаке одна из групп нашла упавший самолет... Немецкий самолет времен Великой Отечественной, это, конечно, занятно, но нам ни к чему... Ложусь отдохнуть на час, мне с утра на работу, надо успеть доехать до Москвы и хоть пару часов поспать. Собираю тех, кто готов ехать в Москву, и развожу по домам... практически к утру вваливаюсь домой, сдираю с себя всю одежду, осточертевшую за два дня, и валюсь в постель. Планирую выезд к выходным, если не найдут раньше, но выезд не потребовался.

Вертолет нашла одна из поисковых групп.

Обнаружили случайно... Двигались на прочес квадрата, а по пути останавливались пару раз на отдых, вот на одной

такой остановке боец, отошедший на пять минут по делам, и обнаружил обломки. Тело пилота на момент катастрофы находилось на рабочем месте КВС (командира воздушного судна), хвостовая балка была оторвана при ударе. Антенна аварийного радиомаяка оторвалась вместе с ней. Сигнал, который был пойман спутником, передавался на трехмиллиметровый огрызок провода, торчащий из разъема. Смерть пилота наступила в результате катастрофы при получении травм, несовместимых с жизнью. Все выводы о причинах катастрофы содержатся в отчете Международного Авиационного Комитета, в открытом доступе. Желающие могут свободно ознакомиться.

После этого поиска на форуме у нас с Сашей случилась заочная дискуссия о том, что правильно и что неправильно в части полетов частных пилотов и их диспетчерского сопровождения. Собственно, сама суть разговора свелась к тому, что я стал ярким сторонником обязательной установки «ответчиков» на каждое воздушное судно, Лодочник же не был так категоричен и рассуждал в духе – хозяин-барин, и если владелец вертолета не хочет, чтобы его видели по вторичной локации, то он имеет на это право, поэтому установка «ответчика» дело добровольное.

Моя «Постоянная Комиссия по изучению племенного состава населения России»

Врачебная Летно-Экспертная комиссия, или сокращенно ВЛЭК. Каждый пилот боится этой аббревиатуры до жути. Когда тебе восемнадцать лет, ты и не задумываешься, что с тобой может быть что-то не так. Ты абсолютно уверен, что без проблем пройдешь любые проверки на состояние здоровья. Но когда тебе за сорок... порция уверенности обычно серьезно убавляется. Начинаешь припоминать все свои болячки, которые насобирал за это время, и разглядывать шрамы на теле, пытаясь заранее угадать, насколько страшно они выглядят.

Перед подачей документов в Авиационно-Учебный Центр требовалось пройти ВЛЭК и предоставить справку о том, что я признан годным к полетам. Без этой справки стать курсантом АУЦ, и уж тем более пилотом, – невозможно. Поначалу я решил пройти комиссию в родном Внуково, но, придя рано утром в медсанчасть, не смог даже войти внутрь, настолько плотно было набито людьми фойе. В принципе, ничего удивительного в этом нет, авиакомпании отправляют свои экипажи на ВЛЭК пачками, поэтому прохождение комиссии во Внуково – задача почти невозможная. Пришлось ехать в Во-

ронеж. Собрав все необходимые справки, а это и психиатр, и нарколог, и даже участковый терапевт (ни разу не видевший меня в глаза за несколько десятилетий), я прибыл к месту назначения. Что меня удивило с первых минут – тишина. Кроме меня в длинных коридорах медсанчасти было только три человека – один бортпроводник и два пилота. И на нас четверых приходилась целая команда врачей различного профиля. В довольно вольготном режиме я переходил из кабинета в кабинет, где меня подключали проводами к разным аппаратам, светили в глаза вспышками разной интенсивности и частоты, крутили вокруг своей оси, гудели в уши различными сигналами, показывали «веселые» картинки и просили угадать по ним число, брали на анализ кровь и другие жидкости, считали зубы, разглядывали самые укромные уголки в глубинах носа... одним словом, время я проводил довольно весело и с пользой. Так продолжалось ровно до момента, пока я не попал к хирургу.

– ВЛЭК первый раз проходите? – спросила врач.

– ВЛЭК – первый, до этого только «ВээЛКа», – ответил я.

– По какой причине из армии списались? – строго спросила хирург.

– Я? Я не списывался, – промямлил я, не понимая причины подозрений.

– На чем летали? Истребитель? – продолжала допрос, строго глядя мне в глаза, хирург.

– Да... да какой истребитель?! Я не был военным!

– Как это не был? Гражданские вообще таких слов не знают – «ВээЛКа»!

Боже... только сейчас до меня дошло, что имела в виду хирург.

«Вэ-эл-Ка» – Врачебная Летная Комиссия, ее проходят все военные пилоты и... (барабанная дробь) те, кто летал в ДОСААФ, ибо оно тоже принадлежало Министерству обороны. Хирург могла не знать этого нюанса, и заподозрила меня в том, что я, списавшись из армии по заболеванию, пришел проходить гражданский ВЛЭК. Я коротко объяснил этот момент, и ситуация быстро разрешилась.

Пройдя всех врачей и собрав пухлую папку выписок, справок и результатов, я предстал перед председателем комиссии. Он долго изучал все записи, а потом, ни слова не говоря, что-то быстро написал в бумагах.

– Блин... неужто не прошел, – мелькнула в голове страшная мыслишка.

Но председатель ВЛЭК уже отдавал мне на руки медицинское заключение, где было выведено его рукой – «признан годным к полетам».

2012. Наро-фоминский

Понедельник, я сижу на работе... в чате появляется информация, что в Наро-фоминском районе пропал грибник. Работа уже сильно задрала, поэтому я беру отпуск на два дня и срываюсь в лес.

Договорились, что заберу Володю (позывной «BVS»), но неожиданно выяснилось, что я дважды умудрился купить неработающий инвентар на двести двадцать вольт себе в машину, поэтому пока я ковырялся с покупкой нового, Володя уже нарезал на место сбора вместе с Якутом.

Володю и Якута можно было назвать «устоявшейся двойкой», так как до моего появления, живущие рядом BVS и Якут часто срывались на поиски вместе.

Володя-BVS попал в отряд в начале весны одиннадцатого года. Работая в IT-сфере, он практически всегда имел неограниченные ресурсы времени, а спортивная подготовка и серьезность подхода с ходу сделала его довольно известной личностью. С первого своего поискового дня он задался вопросом, почему на поиске так неэффективно используется карта и с ходу предложил решение в виде сетки с квадратами с буквенно-числовыми обозначениями. Эта история заработала сразу, была признана годной и используется до сих пор. Собственно, без лишней скромности можно назвать Володю одним из основателей раздела «картография» в отряде.

Выехал я с опозданием часа на два от плана, но доехал быстро. При подъезде пытался выяснить по телефону у приехавшей раньше нас на место девушки с позывным «Фея», как проехать до СНТ, ибо заборы, шлагбаумы и прочая неразбериха... одним словом – со второго раза у меня получилось. На месте кинологи... машина МЧС и Миша, который был на этом поиске координатором, и носил позывной «РомантеГ», впрочем, мало кто соглашался так ломать язык, и по радиии все его вызывали не иначе, как «Романтик».

Миша координировал этот поиск, и на тот момент еще не имел достаточно опыта (впрочем, как и все мы), но... он активно начал брать поиски и за довольно короткое время набил себе нехилый скил в лесной координации. Поэтому запомнился как очень грамотный руководитель поисково-спасательных работ.

С парковкой в СНТ, как обычно, была сушая беда. Пришлось ждать, пока еще один боец, с позывным «Шерман», своим страшным, отлифтованным и прокаченным УАЗом отутюжит заросли, чтоб съехать с дороги на обочину. Попутно он, правда, разворошил гнездо с осами, и стало на месте штаба совсем весело... Огромные злые осы пришли в движение, повиснув в воздухе нехилой тучей. Они не очень понимали, что им надо атаковать, поэтому метались между тем местом, где еще недавно было гнездо, до Шермановского УАЗа и обратно.

Черт с ними, воевать нам все равно некогда. Я припарко-

вался и начал переодеваться. В это же самое время в лес стар-
тует Фея с кинологом, в качестве поискового кинологиче-
ского расчета. В лесу и без этого уже кто-то шарится, слыш-
на активная работа на отклик.

Я оделся и ждал Володю с Якутом. Они были где-то на
подходе к штабу. В штабе, как всегда, ничего не понятно и
не известно, и наблюдается легкий бардак (так всегда было
в первые годы поисков). К нам подошла жена нашего гриб-
ника и с испугом спросила, сколько она нам будет долж-
на в денежном эквиваленте за поиски ее мужа. Это вообще
перманентная история на поисках. Люди, видя такое коли-
чество приезжающих волонтеров, просто отказываются ве-
рить, что все они приехали бесплатно. И была просто неве-
роятная куча слухов о том, что это все «развод», о том, что
после такой «помощи» родственникам пропавшего придет-
ся продать квартиру, чтобы рассчитаться за услуги отряда.
Страшно вспомнить, одним словом. Смеялись долго, равно,
впрочем, как долго и объясняли, что денег мы не берем.

Только появились Володя с Якутом, как практически сра-
зу приходит информация, что пропавший найден. Нашли по-
страдавшего Фея с кинологом, имени которого за давностью
лет я, к сожалению, не помню, впрочем, как и кличку отра-
ботавшей собаки. Сразу же было принято решение на вызов
СМП (скорой медицинской помощи) и эвакуации пострадав-
шего к месту прибытия последней. На тот момент в отряде
еще не была отработана четкая и ясная инструкция по рабо-

те с координатами, поэтому дважды мы получаем по рации координаты, которые бьют в разные места леса, при этом совершенно очевидно, что это точно не те точки, которые нам необходимы. Слишком велико удаление и порой виден однозначно некорректный формат.

В конце концов мы получили точку, более-менее похожую на правду... (разница составила с истиной около трехсот пятидесяти метров). Выскочив из машины Шермана, мы ломимся на место. Связь не берет ни черта. Работаем через мобильник. Ближе начинаем выходить на свисток, а потом уже на отклик. Лес вообще больше похож на «ромашковое поле», условно. Нет в нем ни буреломов, ни зарослей, ни болот. Как в таком лесу умудрился пропасть наш грибник, я, честно говоря, не понимаю.

Находим их достаточно быстро... минут за пятнадцать. Сразу становится ясно, что нужны носилки. Наш потеряшка идти не может. Шерман звонит в штаб, и к нам выходит группа с мягкими носилками. Почему мы не догадались взять их сразу, уже никто и не ответит. Вообще, первые поиски были весьма экзотическими с нынешней точки зрения. Больше мы все делали по наитию, нежели по правилам. Собственно, еще не существовало в те годы формализованных четких правил. Пока ждали носилки, я достал из ранца плед и укрыл им пострадавшего, сверху кто-то дал термоодеяло. Вся его верхняя одежда вымокла насквозь и весит килограмм семь. Скидываем это все в мой опустевший ранец... Я оценил вес

на обратном пути.

Наконец принесли носилки... потеряшка постоянно просит пить, но все уговаривают его потерпеть. Укладываем нашего грибника, пускаем вперед Фею с моим навигатором (только в моем оказывается отмечен штаб и есть трек до места) и выдвигаемся к штабу. Дед ворчит, лежа на носилках, и проклинает нас последними словами. Пить без рекомендации медиков мы ему так и не дали, а определять самостоятельно степень обезвоживания еще не умели.

Обезвоживание вообще забавная вещь. Если хотя бы раз в жизни вы испытывали похмелье, то вы точно знаете, как выглядит обезвоживание. Симптомы ровно эти же – жажда, головная боль, головокружение, сниженные рефлексy и угнетенные когнитивные способности. Я попытался выяснить, почему дед не вышел на железную дорогу, которую он слышал и до которой было не более километра, а предпочел ходить в неизвестных направлениях, пока не «убил» собственные ноги и не получил тяжелое обезвоживание. На что он ответил, что если бы вышел на железную дорогу, то пришлось бы идти по ней километров пять до перекрестка с грунтовой, идущей в СНТ, а потом по грунтовке обратно еще столько же, а это очень тяжело. Вот такая вот «железная логика».

По дороге мы меняемся несколько раз на носилках, так как руки быстро затекают. Бурелома нет, упавшие стволы где обходим, где перешагиваем. Семьсот метров до штаба доходим минут за тридцать пять. Там нашего неудавшегося гриб-

ника уже ждет жена со словами: «Что же ты наделал!» и скорая, которая забирает нашего героя молча. Все закончилось хорошо, в этот раз. Забегая вперед, скажу, что конкретно этот дед через три года снова пропадет в том же самом лесу.

2012. Можайский

На момент описываемых событий в «Лиза Алерт» еще не было выстроенной системы оповещения, рассылка о поиске делалась информационными координаторами по СМС, которые очень часто не доходили до адресата, так как ровно в те годы началась нещадная борьба со спам-рассылками. Поэтому практически все дублировали друг другу сообщения о поисках с личных номеров. Вот такое СМС, полученное мной ровно в 14:00, застает меня в ресторане жующим суши.

Вижу, что район Можайский и, в принципе, выехать могу сразу после того, как доем угря.

Звоню Володе BVS, так как в чат вылезти не могу... Договариваемся, что едем часа через два. Пока карты, пока то да се... пока я дожую и до дома доеду... ну не суть... договорились.

Через полтора часа я дома и готов стартовать.

Еду через заправку, набираю водички в бутылочках, чтоб не засохнуть... торчу на переезде, чтоб он был проклят... В общем, около половины пятого стою у дома BVS. Володя, как всегда, выволок к машине свой огромный рюкзак и невозмутимо плюхнулся на сиденье рядом.

– Погнали!

Глянули пробки, дело хреново... Минка стоит наглухо аж до внуковского поворота. Ломанулись через Можайку, там

закрыт переезд. BVS включает «Сусанина» (навигаторы в то время были редки, но BVS был счастливым обладателем Garmin-60), и тот чудесным образом выволакивает нас через какие-то СНТ на абсолютно пустую Минку после Лесного городка в обход всех пробок и переездов.

Шуруем по Минке, попутно пытаясь найти магазин, чтоб перехватить тушенки, и ищем Макдональдс, ибо BVS, ковыряясь с картами, выскочил на поиск без обеда... После съезда с трассы на проселок, прямо у дороги, нашелся неплохой магазинчик и кафе. BVS через двадцать минут пришел в норму и повеселел. В эти минуты он до безобразия напоминает сытого, огромного кота. Лицо расплывается в кошачью морду, прищур глаз становится таким, что от зрачка остается лишь узкая вертикальная полоска.

Подъезжая к повороту, ведущему к штабу, мы обогнали какую-то дурную машину, которая металась по дороге (я еще подумал – чего-то потеряли ребятки). Подъезжаем к месту, поскольку в дороге получили информацию о том, что туда выехали чуть не все, кто хоть как-то соотносил себя с «Лиза Алерт», я ожидал увидеть нечто, что напоминает поиск. Однако особой движухи было не заметно. Более того, на месте лишь три машины, одна из которых МЧС, одна родственников потеряшки... и, собственно, машина координатора.

Паркуемся, за нами паркуется та бесноватая машинка, которую мы обогнали по дороге к штабу, это прибыли еще двое поисковиков из Можайска. Быстро общаемся с коорди-

натором, которая бурно делится информацией о том, как она только что летала на вертолете по окрестностям. Вся информация, полученная от нее, сводится к тому, что они летали, кого-то нашли, кто-то от них убегал, и этот кто-то ну совершенно точно та самая бабуля, ибо кофта один в один и вообще...

Стоит координатор уже тут долго в своих штанах Dsquared и шлепанцах на босу ногу, так как вертолет улетел, и комары ее всю уже съели...

До формирования ВПСО «Ангел» оставалось еще два года, и все попытки привлечения чего-то летающего на поиск не приносили значимых результатов. Летали, смотрели, но все это было бессистемно, чаще без GPS, без связи, ну и, разумеется, без методик проведения поисково-спасательных работ с воздуха. Все это появится значительно позже.

Володя достает карты (в штабе карт не оказалось... впрочем, как и ни одной радиостанции), отмечаем место, где вертушка засекала потеряшку, параллельно выясняем, что в лесу работает МЧС и местные. Сколько человек? А хрен его знает... штаб не в курсе – четыре или пять, или восемь...

Ок... одеваемся...

Подваливают двое с Можайска... тоже распечатали карты... только вот не те... пятисотметровки... Координатор радостно хватает пачку карт и всем объявляет, что работать будем по ним... BVS, тихо матерясь, идет перезаливать в навигатор сетку на пятьсот...

Из леса выходят двое. Один с ружьем... Егерь... Вторая – дочь потеряшки. Коорду до них дела уже нет, начинаю опрашивать самостоятельно. Инфы появляется немного, но кое-что уже ясно... Лес явно истоптали прилично, так как бегают по нему уже второй день все местные... бабка не самоубийца... Ушла «на полчаса» и по приходе обещала «котлет нажарить». Егерь подтвердил, что лес местами заболочен, есть лоси, кабаны, а также прочая мелочь. «Долина смерти» проходит юго-западнее этого леса, то есть боев здесь не было, рубеж обороны проходил в нескольких километрах от этого леса. Шансов наступить на мину чуть менее, чем ничего. Берега обеих рек также заболочены, и реки вброд непроходимы. Тем временем из леса выходит расчет МЧС. С полным пакетом грибов (кто бы сомневался). Ходили ПРОЧЕ-СЫВАТЬ ПРОСЕКУ... Ну отлично... она в двухстах метрах от штаба и от их машины соответственно... С таким же успехом можно было бы прочесать дорогу, ведущую от штаба в село, но, блин, грибов там не наберешь, асфальт, зараза, не способствует... Ни фига полезного сообщить не могут. Вышли и сели чай пить... видать, устали... Наконец BVS закончил ковырять можайский навигатор и вернул его владельцу со словами «у вас батареи сели».

Координатор снова берет в руки пятисотметровку, потом километровку и заявляет, что с пятисоткой работать неудобно... точек много и на карте ничего не видно... BVS хотел ее убить (вот совершенно точно хотел, ибо двадцать минут

назад, глядя ей в глаза, именно то же самое он и говорил), но видимо, взял себя в руки и передумал... хотя я бы его точно поддержал...

Пытаемся выяснить, какие стоят задачи и куда нам, собственно, валить. Координатор – совершенно новенькая, и по этой причине выдать задачу внятно и четко нависавшим над ней двум здоровым мужикам у нее не хватило ни силы, воли, ни смелости. Володя взял инициативу на себя и коротко, но внятно объяснил, что пойдем в тот квадрат, где видели похожую бабулю, а оттуда начнем работать по следам, если они там обнаружатся. Координатор, облегченно выдохнув, согласилась с планом и осталась у машины ждать приезда групп и формировать задачи.

Сказав, что будем на «двойке» по рации, мы уже было практически ушли в лес, как вдруг выяснилось, что у координатора нет ни то, что «двойки», но радиостанции, как таковой, в принципе. Володя, помотав головой, записал частоту для радиосвязи на бумажку, и отдал координатору со словами:

– Как приедет кто с радиостанцией, выйди на этой вот частоте, а пока по телефону будем.

Шуруем по дороге, попутно осматривая лес и поле на предмет следов, их до фига и более. Местные явно ходят сюда ежедневно, вытаптывая все на своем пути. Не доходя шестьсот метров до точки, слышим трактор. Я прикидываю по шуму, что это Т-«20 с чем-то», но не угадал... на дорогу

вывалился выдавший виды Т-16. В телеге человек пять бра-
вых ребят... катаются вокруг леса, слушают пение птиц...
ищут бабушку... нам говорят, что прочесали весь лес пеш-
ком. BVS, усмехнувшись, предложил не слушать эту чушь
и двигать дальше, что именно мы и сделали... Тогда я был
еще бестолков и всерьез воспринимал заявления типа «мы
все здесь прошли», в реальности, если нет трека навига-
тора, такие заявления должны отметаться сразу, так как сло-
ва на поисково-спасательных работах – это не более, чем пу-
стой звук. Нет подтверждения в виде GPS трека – нет закры-
той задачи. Подошли к точке, ищем следы... опять находим
вагон и маленькую тележку разных... просматриваем особо
подозрительные... но... если наша бабушка с детства на ко-
пытах не ходит, то это точно не ее... Как и говорил егерь, в
лесу очень много лосей и кабанов.

Решаем чесать лес на отклик... (ну не цепью же его вдво-
ем прочесывать, ей-богу).

Ломимся через болотину и бурелом и орем на весь лес
всякую фигню... отчасти, чтоб бабуля отозвалась, отчасти,
чтоб кабана в пятак или в зад не расцеловать с разбегу.

«Гали-инна!!! Ильи-иниш-инна!!!» – ну и в таком вот
ключе...

Пару раз навернулся в буреломе... пару раз паутину всю
обожрал с веток вместе со всеми мухами, какие в ней бы-
ли... ну а когда их там сортировать-то... В болоте одним ко-
пытом увяз... (правым, кажется) без последствий. В целом,

лес несложный... в сравнении с той же Тверью (на поисках вертолета) вообще автобан. При подходе к точке Р12 совершенно четко стали слышны Минская трасса и лай сельских собак, захочешь заблудиться – хрен получится, ибо собаки в том селе, по-моему, вообще не затыкаются.

Наоравшись и закрыв квадрат, вывалились на дорогу, по которой пришли, где наткнулись на внука нашей потеряшки. От которого и узнали, что та бабуля, что от вертолета днем бегала, оказывается, вообще не наша. Это была соседка, которая по грибы ходила, теперь уже с перепугу домой прибежала (ну как же... от вертолета оторвалась) и дома сидит злая и без грибов.

А бабушка наша вообще мирная и ни разу не дура... и по грибы сюда не ходит, а ходит далеко от села, в самую чащу. А еще у нее катаракта, и посему видит она не очень. Вот тоже объясните мне, зачем с таким диагнозом по грибы ходить. Ведь сослепу можно и поганок нахапать полное лукошко (вот народ, блин).

Приходим в штаб... бойцы МЧС скучают, родня нервничает, у коорда все хорошо... а вот Можайские ребята обратно еще не выходили... берег чешут (хотя чего его чесать, мы спускались – беспонтово... увязнешь еще до воды по самые... в общем бабуле по пояс будет). BVS с ходу спрашивает коорда, какого худого она не позвонила сказать, что бабка, что от вертушки сматывалась, не наша... ответ весьма повеселил... а чего, мол, вас беспокоить лишний раз... квад-

рат-то все равно закрывать надо...

До захода солнца сорок минут, у коорда на проводе пилот (чего-то там), типа может через час прилететь... Я говорю: – Рёхнулись? солнце сейчас сядет... куда лететь?

И вообще, вот тут площадка, а тут вот ЛЭП, пилота предупредите, что провода висят с курсом (BVS подсказывает курс). Смотрим на часы, прикидываем по времени, что еще заход сделать до темноты не успеваем. Принимаю решение сваливать... переодеваюсь, сбрасываю BVS всю воду и выезжаю домой.

Володя рубился на том поиске еще около суток, пока, наконец, бабка сама не вышла на Минскую трассу километрах в десяти от места пропажи. По рассказу родственников, потерпелась она за эти дни разных кошмаров и страхов, вплоть до того, что решила, что на нее открыта охота и ее хотели съесть. Вот так! Ни больше ни меньше...

Того коорда в сланцах я на поисках больше в качестве коорда не встречал. Может, повезло, а может, выперли за профнепригодность. Что, в принципе, логично.

Мое «Похороните свои ожидания и живите счастливо»

Я иду по перрону площадки «Буньково», вслед за моим инструктором, прямиком к вертолету Робинсон-66. Начался мой первый летный день в качестве курсанта авиационного учебного центра. Я осматриваю вертолет по карте предполетных проверок, обходя его с двух сторон, забираясь во все технические лючки, вслух проговаривая названия агрегатов и подтверждая их целостность и пригодность к полету.

– Фильтр чистый, течи масла нет, маяк ELT установлен, редуктор без повреждений...

Закончив осмотр воздушного судна, я впервые в жизни усаживаюсь в правую чашку командирского кресла. Поток мыслей просто разрывает. Я в кресле КВС, я никогда не управлял вертолетом справа. Мой инструктор Дима Прусаков плюхается в левую чашку, и без паузы бросает:

– Контрольная карта перед запуском.

Дима примерно мой ровесник, со взъерошенной копной волос, и тяжелыми часами на левой руке, он имел какой-то адский налет на боевых машинах в армии, а посему казался чуть солиднее своего возраста. В отличие от «армейских», встречавшихся мне ранее, у него имелся какой-то особый талант к преподаванию. С первого взгляда было заметно, что

ему нравится сам этот процесс. В момент объяснения теории, которую он всегда подкреплял размашистыми графиками и схемами, нарисованными тут же, на любом клочке бумаги, подвернувшемся под руку, он увлекался так, что практически переставал видеть все вокруг. Параллельно затягивая и тебя за собой в эту бездну, в которой открывались невиданные доселе формулы и силы.

Я медленно, но уверенно, начинаю двигаться сверху вниз по кабине вертолета взглядом, руками нажимая и устанавливая все нужные переключатели.

– Тормоз снят, свет выключен, пожарный кран открыт, колпачок установлен, обогрев ПВД выключен, ПОС выключен, АЗС включены, фары выключены, гидросистема включена.

Я пытаюсь ничего не забыть. Фрикционы ослаблены, я проверяю управление. Вертолет реагирует, как положено – отклоняя лопасти на заданный угол, ручка циклического шага движется во всех направлениях свободно, педали ходят на весь диапазон без заеданий.

Запуск.

– От винта... – буркнул я в открытую дверь.

– Да кто ж так делает? – спросил Дима и рявкнул так, что перронные техники на другом краю вертодрома повернулись в нашу сторону.

– От винта!!!

– Вот как надо – повернувшись ко мне, закончил он.

2012. Мытищи

Входящее СМС – «Пропал ребенок! Нужны люди! Лесной прочес!»

Ехать – не ехать обсуждаем в чате до самого вечера... Поиск специфический, по сути, это, конечно, город, а так исторически сложилось, что на «город» мы обычно не ездим, ибо все же мы «лесные». И не просто лесные, а откровенно «лоси», те – кому отмотать тридцать километров по лесу – как нечего делать. И таскаться по городу в поисках ребенка нам все же неинтересно. Где-то к 21:00 приходим к выводу, что все же поедем, во-первых, лесные задачи там есть, а во-вторых, накануне мной был куплен Catapult III, самый мощный по тем временам поисковый фонарь, поэтому грех было его как можно скорее не опробовать. Короче, я и BVS, с которым к тому времени мы уже стали сработавшейся двойкой, рванули часов в десять вечера на место. На хвост нам пыталась сесть Айрис, но, глянув в Яндекс, мы поняли, что для ее подбора с нашей стороны нужно никак не меньше трех часов... все там стояло наглухо в проклятых московских пробках. Подъезжаем к месту примерно в двадцать три часа, уже темно. Народу сотни три, а машин еще больше. На двери местного магазина штабная карта. Перед картой расположился Григорий с трубкой в зубах – сегодня он координирует поиск ребенка, отправляя группы по задачам, пуская

сизый дым в разные стороны.

Гриша за пару лет существования отряда стал полноценным руководителем, набив шишки на собственном опыте. Из «ничего» за два года он сформировал довольно годный для поисков формат и постепенно развивал его в систему. Поначалу все шло довольно трудно, и пару раз мне казалось, что в моменте он не выдержит, плюнет, и свалит из поисковой темы, так как помимо поисков ему приходилось заниматься совершенно не поисковыми вопросами. Контакты с властями, поиски спонсоров, решение внутренних конфликтов и проблем, коих в реальности сильно больше, чем можно себе представить. Те, кто постарше, понимали, что тянуть эту лямку, то еще «удовольствие», те, кто помладше, спали и видели себя на месте Гриши. «Председатель поисково-спасательного отряда» – круто же звучит? На самом деле, абсолютное большинство молодых и амбициозных срезалось еще на стадии становления старших поисковых групп, а уж до координаторов и вовсе доходили единицы. Одно дело видеть себя в мечтах кем-то, и совершенно другое вкалывать с утра до ночи без сна и отдыха только для того, чтобы отряд жил и существовал. А вот для того, чтобы он развивался, нужно было вкалывать в два раза больше.

Штаб работает... Из темноты стремительным броском едва не сбивает Володю с ног «Кобра» (Кобра – тоже позывной, а не пресмыкающееся).

– УРААААА!!! Картограф приехал!!! – радостно завопи-

ла Кобра.

Володя спокойно парировал, сказав, что приехал на поиск лес топтать, а не навигаторы заливать, так что рассчитывать на него не стоит. Где-то из леса по рации доносится голос Кипятка... кто-то оставил в ее машине свои вещи, а теперь собирался домой, истерично пытаясь отковырять свой шмурдяк из закрытой тачки.

Наконец дым из штаба валить перестал, Гриша многозначительно поводит по карте погасшей трубкой, что означало, что для нас есть задача.

Володя пошел курить карту, я потащился к машине одеваться. Это вообще было практически ритуалом – Володя в штабе получает задачу, а я тем временем проверяю снаряжение. В штаб я обычно не совался. Отчасти потому что не очень люблю общаться с людьми, отчасти потому что старшим в группе всегда шел Володя и мне в штабе по большому счету делать было нечего. Пока мы получали задачу и параллельно формировали Лису, к штабу подтянулась и Айрис.

Вечно жующая что-то Айрис напоминала мелкого, художничего пацана, суетного и до тошноты общительного. Образ дополнялся короткой стрижкой и камуфляжем, сбивавшем с толку на расстоянии любого, кто случайно выяснял, что «пацана» звали Екатериной. На все тревоги в чате она мгновенно реагировала готовностью сорваться «прямо сейчас», но, как правило, поскольку была безлошадной, ждала нашего с Володией выезда и постоянно садилась нам на хвост,

параллельно выедавая все запасы еды из Володиного рюкзака. Она таскалась с нами по лесу на равных, не отставая и не доставляя неудобств. На удивление не ныла, и не упоминала об усталости. Разве что, иногда, прикончив все свои и наши запасы сетовала на то, что есть больше нечего.

Регистратор, уже знакомая по сланцам на поиске в селе Мокрое, куда-то что-то пишет и присваивает нашей группе, одинаковый позывной с предыдущей группой Лиса-18... Поправляю разгильдяйку, и в результате мы становимся Лисой-19.

Володя берет в нашу команду Вовешу и Айрис, итого нас становится четверо... Поставленная Гришей задача выглядит как план «Барбаросса».

Мы должны накрыть и отработать все самые дальние квадраты... вчетвером... в ночи... Ладно... спорить мы не будем (не для этого приехали). По задаче мы ищем велосипед, так как по вводным именно на велосипеде двенадцатилетний пацан и укатил из дома в неизвестном направлении.

Забрасываемся на моей машине к точке входа. Разбиваемся на двойки и идем по линейным ориентирам, высвечивая фонарями все, до чего можем дотянуться. Пробили связь. Связь со штабом отсутствует. Точнее, мы штаб слышим, а нас штаб не слышит. В это же время прошла инфа, что Кипяток сваливает домой, и тот, кто оставил у нее в машине свой шмурдяк, будет искать его долго и безрезультатно. Идем вдоль ЛЭП. Множество мелких тропинок то сходят-

ся, то расходятся в разные стороны. Одна из них приводит на свалку (в смысле, это я так подумал), Володя утыкается в нее же, но с другой стороны. Постепенно начинаем понимать, что это не свалка, а кухня... одновременно кладовка, и задний двор, и туалет. Кругом бутылки, банки, тряпки, пакеты, кастрюли, тарелки и прочие атрибуты свалки. Убираю свет, достаю УФ-фонарь... в кастрюлях какая-то органика, на тряпках следы жира... следов крови нет. В это время Володя замечает в кустах дверь, ведущую в хижину, сколоченную из картона, фанеры и бог знает еще какого хлама. Светим фонарями... в углу на топчане спит тело... жирное такое тело с пивным пузом и лицом, характерным для лиц БОМЖ. Свет катапульты и крики его не разбудили... пьян собака... Свечу в УФ вокруг – крови нигде не видно. Отмечаем точку в навигаторе и движемся дальше. Собственно, метров через двести ситуация повторяется в точности. Только на этот раз в двери мы уже не ломимся.

Метров через пятьсот догоняем Вовешу и Айрис и далее уже не разделяемся. По пути попадают отдельные заброшенные хижины и целые «деревни» из пленки, картона, и прочего хлама. Метрах в трехстах, за поворотом, замечаем костер, подходим... такая же хижина из мусора, на пороге сидит паренек не совсем русской национальности, задаем стандартные вопросы... узнаем, что паренек в курсе ситуации... узнал о пропаже мальчика по телевизору... о как... вот такой вот продвинутый БОМЖ. Собственно, сам телевизор маль-

чуган держит на коленях, а два провода от него идут через темноту к старой аккумуляторной батарее на двенадцать вольт. Батарея, видимо, уже села, так как телевизор не работал.

Чешем дальше, выходим на Ярославку к бензоколонке. До нас там, оказывается, уже была Лиса 16. Можно, в принципе, идти дальше, но мы встряли... Айрис увидела магазин при заправке и встала у кассы... по-моему, уже с набитым ртом, она чем-то пыталась с нами поделиться, но оказалось, что по ночам кроме нее никто не ест. Шуршим по травке далее, Айрис шуршит оберткой – все счастливы. Катя добреет на глазах. Прошли чуть ниже прежнего маршрута и вышли обратно к машине. Собственно, сразу было ясно, что этот выход будет пустой. Ибо какой там к черту велосипед... он туда не доедет. Не в том смысле, что туда, где мы были, невозможно добраться, а в том смысле, что незачем ребенку тащиться в эти дебри, да еще переть на себе туда велосипед. Возвращаемся в штаб. Народу прилично поубавилось, вернее, осталась только десятая часть из тех, что были. Володя идет курить карту, я ковыряю ботинком асфальт, курю и вообще занимаюсь полной фигней... одним словом, отдыхаю. Айрис в полной темноте передает кому-то компасы, закупленные по цене производителя, специально для отряда. Вовеша пытается переодеться и уехать домой. На месте выясняется, что наш трек Володя слить никому не может, так как в штабе нет ноутбука с картой.

Внезапно появляется еще одна задача часа на полтора – недалеко, в семистах метрах от штаба. Формируем лису. Собираем всех, получается девять человек. Вовеша пристегивает свой велосипед, на котором уже почти уехал, обратно к дверям магазина.

Получаем позывной, на этот раз Лиса-24, и уходим в лес. Уже в лесу, на линейном, Володя выстраивает цепь и тут выясняется, что нас не девять, а одиннадцать. Не понимая, откуда лишние головы, Володя связывается со штабом. Выясняется, что штабной регистратор в сланцах при регистрации Лисы чуть-чуть просчиталась, сказав Володе о девяти бойцах в его группе вместо одиннадцати. На месте получаем от старшего задачу – чесать до обнаружения любого оврага или канавы и проходить их целиком по краям. Идем цепью, лес скучный... у Айрис отказ фонаря, кто-то запасливый из цепи тут же сунул ей запасной. Слева обнаруживается канава, Володя отправляет меня и еще одного бойца с позывным «Черный Ангел» (кажется, на поиске он был впервые, но позже станет координатором) закрыть эту самую канаву. Встав по сторонам от канавы, идем вдоль нее и вскоре упираемся в болото. Тухляк, возвращаемся обратно в цепь. Чешем дальше и упираемся в забор, за которым гудит МКАД. Перегруппировываемся. В процессе этого мероприятия натываюсь на еще одну канаву... эта уже глубже и длиннее первой. Получаю задачу «закрыть» и шурую прямо по дну. Метров через шестьсот на два часа в темноте хрустит ветка. Высвечиваю

лес фонарем по направлению звука и вижу стоящего прямо передо мной лося. Его огромные глаза светятся в темноте, уши напряженно двигаются в стороны и назад, он смотрит на мой фонарь, но меня он явно не видит из-за засветки. Постепенно гляделки ему надоедают, и он медленно начинает двигаться в сторону идущей цепью Лисы. Докладываю Володе, чтоб были повнимательнее, черт знает, что лось предпримет, наткнувшись на цепь из десяти человек в ночном лесу.

Я прошел еще метров триста, пока канава не кончилась... Докладываю о своем пустом выходе и возвращаюсь в цепь. Чешем дальше уже просто по азимуту, канавы нам больше не попадаются... следов никаких. Выходим на опушку, впереди поляна и крапива метра два высотой. Я посветил фонарем прямо перед собой, пытаясь разглядеть возможные ловушки в виде упавших стволов и торчащих коряг, но ничего не обнаружил. Делаю шаг вперед... крапива за мной смыкается, еще шаг... земля подо мной исчезает, и я лечу кубарем вниз.

Гадство такое. Так глупо навернуться.

Тихо матерясь, я вылезаю обратно, проклиная попутно и крапиву, и канаву, и бревно, о которое разбил ногу. Володя, сверившись с навигатором, объявляет, что задача выполнена и всем пора на выход... Печаль какая... Не мог он раньше в навигатор посмотреть, до того, как я в яму сиганул. Выходим, пересчитываемся – все на месте, никого не потеряли. Володя курит карту, я переодеваюсь... время около четырех утра, пора сваливать. Айрис падает на заднее сиденье и тут

же засыпает. Володя еще долго оттирает от ботинка какую-то глину. Наконец мы выезжаем в сторону Москвы. Закидываем домой еле волочащую ноги Айрис.

Ребенка найдут погибшим примерно через месяц. Его велосипед будет лежать недалеко от него, на другом краю болота, берег которого мы осматривали той ночью. Ближний берег самого дальнего квадрата... как, и главное, зачем... эти вопросы так и останутся без ответа.

2012. Орехово-Зуевский

Должен сказать, что я очень не люблю леса в Орехово-Зуевском районе. Там много болот, часто горит все, что может гореть, да и сам лес прилично завален... даже не так... ЗАВАЛЕН НАГЛУХО. Пройти по этим завалам, конечно, можно, человек не танк – везде пролезет, но при этом сил уходит на один километр такого пути иной раз столько же, сколько в обычном лесу на все тридцать. Порой смотришь на среднюю скорость своего передвижения по такому «лесу» в триста метров в час, и такая тоска тебя охватывает посреди маршрута, что и передать нельзя.

Случилась эта странная история аж 2012 году. Память о пожарах 2010 года время от времени еще давала о себе знать приступами удушающего кашля, который начинался столь же внезапно, сколь и проходил. В августе 2010 года, когда вся Москва была окутана плотным дымом, я довольно сильно посадил легкие, рентген показывал какую-то жуть, врачи ругались и наотрез отказывались отпускать меня с больничного, мотивируя это тем, что с подобными показателями не выписывают, а направляют в стационар.

Накануне в тот злосчастный лес случилось аж два выезда, правда, по другую сторону от бывшей железной дороги, от которой осталась только высокая, местами провалившаяся насыпь. Собственно, началась эта история, как и многие

другие, еще днем, и ничего странного в ней поначалу не просматривалось. Две бабушки взяли пятилетнего внука, свою дворовую собачку и пошли гулять. Вышли они из садового товарищества (оно и понятно, гулять в нем скучно) и пошли напрямик в лес. Летний день, тепло, солнце светит, вокруг щебечут птицы, а наши бабушки гуляют от своего дома все дальше и дальше. Бывает так с людьми. Думаешь – я вот тут рядом, вдоль дороги... ничего же не случится. И пыли дорожной меньше и идти по лесу веселее. Одним словом, погуляли они неплохо, подышали воздухом и решили возвращаться домой. Развернулись и пошли в обратную сторону. Шли час, два, три... а идти становилось вся тяжелее, лес становился все гуще, а завалы все чаще. Местами внезапно начало разевать свою пасть зеленое болото. Под ногами непрерывно хлюпало. Они с трудом обошли несколько завалов и еще несколько перелезли... а потом внезапно они поняли, что ни вернуться, ни пройти дальше они не могут. Последние силы они отдали на то, чтоб подняться на то, что им казалось высокой грядой, но на деле оказалось поваленными стволами.

На улице быстро смеркалось, и родные, которые ждали их, сидя на даче, начали бить тревогу. Пришло оповещение – «ребенок пяти лет, две бабушки, лес». Решение понятно – ребенок, значит, надо ехать, причем быстро.

Пока собирался, умудрился уронить половину электронной мелочевки под диван. Все мои гаджеты рассыпались и

позастреливали в разных недоступных местах. Именно такие вот вещи случаются всегда в самые неподходящие моменты жизни. Ты торопишься, и именно в этот момент происходит что-то, что задерживает тебя на месте на, как тебе кажется, целую вечность. Закон подлости срабатывает сразу – пока я торчу под диваном, у меня разрывается от звонков телефон. Ну вот как я отвечу из-под дивана? Особенность характера (а может воспитание такое), сам могу ждать сколько угодно, но, когда кто-то вынужден ждать меня, я тут же начинаю жутко переживать и нервничать. Для меня это огромная проблема. Все сразу начинает идти наперекосяк. Надо настроить трекер, закинуть ссылку инфоргу, чтоб следил до места прибытия, а у меня по-прежнему все валится из рук. Вообще, перед выездом очень нужен (по меткому утверждению моего коллеги) полный «дзен». Надо все проверить, и лучше дважды, ничего не забыть, позвонить всем, кому положено, а ты в это время, вместо того, чтоб успокоиться и расслабиться, мечешься и пытаешься все ускорить, хотя и ежу ясно, что десять минут в этом деле погоды не сделают.

Собрался, трекинг отправил инфоргу и поехал в сторону Одинцово за Володей. Перезваниваю настойчивому абоненту «Айрис» (тот самый абонент, что безуспешно пытался достать меня из-под дивана, пока собирал разлетевшиеся полезности и нужности). Договариваемся, что на поиск забрать не смогу, так как пробки просто не дадут прорваться в хоть сколько-нибудь вменяемое время, а вот обратно я за-

брошу ее домой без всяких проблем. Забираю, как и обещал, напарника BVS, и уже вдвоем мы едем к месту поиска. На Горьковском шоссе, на заправке, встречаем «Вовешу», который примчался на BMW X6, пассажиром. Две довольно гламурного вида девицы решили, что они непременно должны участвовать в поиске ребенка и, не снимая «шпилек», прямо с вечерним макияжем прыгнули в свой X6 и зацепили по пути нашего Вовешу (который как раз был на поисках очень и очень полезной личностью).

Едем на место вместе, что называется караваном... дорожка уже проторенная, вопросов нет. На повороте, который мы на днях метили кипперной лентой на поиске деда, стоит Нива полиции. Подъезжаем, останавливаемся, BVS просит наряд включить мигалку, дабы экипажи не проскакивали поворот в темноте. Полиция в этот раз была просто на высоте, на каждом нужном повороте их люди с указаниями, куда ехать. Надо сказать, это был чуть ли не первый пример четкой и слаженной работы с волонтерами, после трагической истории 2010 года.

Приезжаем на место и начинаем одеваться. Снять «гражданку» и натянуть на себя все барахло, в котором мы рубимся по лесу под постоянными атаками полчищ комаров, то еще удовольствие. Жара дает о себе знать, лямки и прочее сразу прилипают к телу. Только мы оделись – новая вводная, смена места штаба. Вот зараза, в полной экипировке я за руль не помещаюсь, мешают торчащие антенны, фонари

и прочее. Приходится сдирать с себя половину того, что я только что с таким трудом напялил. Володе проще, он ходит с рюкзаком, который он просто сунул на заднее сиденье, а сам завалился на переднее, пассажиром. Мне же пришлось до упора сдвигать водительское кресло назад, чтобы хоть как-то поместиться за руль в жилете с ранцем, забитым под завязку нужными вещами.

Не без мата перемещаемся на новое место. Один за другим быстро прибывают все новые и новые экипажи. Парковка уже становится проблемой. Нужно отметить, что в те года тема с поиском людей в природной среде стала как-то резко популярной и продолжала набирать обороты. Зачастую приезжали весьма странного вида люди. Со временем они либо превращались в матерых поисковиков, либо отваливались после первого же раза. Нередко можно было увидеть странных девиц в боевой раскраске и лосинах, приехавших прямо из ночного клуба на шпильках. Однажды одна такая даже пошла зачем-то в лес... и тогда я впервые видел перед собой не слепящий жилет своего напарника, а женские трусы, которые светились в свете моего убойного фонаря сквозь те самые лосины... что-то я отвлекся.

Перепарковавшись на новое место, я поправил на себе все оборудование, и мы приготовились к получению задачи от штаба, говоря простым языком, тупо ждали, пялясь вокруг и наблюдая за происходящим. В рации в это время стоял жуткий гвалт. Кто-то ищет дорогу, кто-то ищет координатора,

кто-то просит дернуть, ибо съехал с дороги, и прочее. Одним словом, в эфире полный бардак. Рядом с нами стоит газель МЧС. Минут через пять от них приходит информация, что все пропавшие найдены. В штабе оживление – сейчас все подтвердят и поедem домой. МЧС информацию подтвердило... точно все найдены, живы, идет эвакуация.

По радиии штаб голосом Фанни дает команду «отбой».

Фанни я впервые увидел в 2011 году, уже и не вспомню на каком поиске. Но запомнилась она мне как раз тем, что очень любила сидеть на «Заре»... на штабной радиостанции, и голосом Левитана транслировать команды от координатора поисковым группам. Получив «отбой», половина машин срысывается и уезжает по домам. Мы ждем, пока выберется из своих штанов BVS... Еще надо все упаковать, отключить, пересчитать и уложить. Проковырявшись со всем этим минут тридцать, выписались мы с Вовой из штаба и с довольно хорошим настроением поехали в сторону дома. Доезжаем до выезда на разобранную узкоколейку – в радиии тем же голосом нарисовалась Фанни, она не изменяла своей традиции и «дожимала» радиостанцию штаба до «последнего бойца».

– Всем стоять – ждать!

Со всех сторон посыпались вопросы, чего стоять, кого ждать, а тем временем мы медленно вылазим на узкоколейку, ибо стоять, перекрыв выезд – это моветон, ищем, где бы нам можно было развернуться. Впереди еще три машины на дороге встали как вкопанные. Подъезжаем. На встречном на-

правления «Нива» с местным жителем. По виду он понимает, что тут происходит, и точно в курсе последних событий. При этом дед сам говорит нам прокуренным в хлам голосом, что всех, мол, нашли:

– Ишо полтора часа тому назад... Все живы, все хорошо.

Еще больше запутавшись от противоречивой информации и понимая, что что-то здесь не так, мы стали обсуждать с оставшимися на дороге, как поступить дальше. Буквально через три минуты по дороге навстречу подлетает Андрюха (позывной «Пилот») и прям с ходу рубит в ненормативной лексике «какого **** вы тут третесь, там народу не хватает, их вытаскивать надо... Давайте за мной, надо пробиваться»... Удивившись с такого поворота событий, мы хором сделали вывод, что штаб вообще не имеет достоверной информации.

Ну... Ок... разворачиваемся, съезжаем на торфоразработки, паркуемся и начинаем одеваться. Половина шмурдяка у нас уже упакована, а группа «Пилота» уже срывается в лес. Мы с Володей напялили только жилеты, схватили рации с фонарями и двинули следом. Дурацкая затея... ходить в лес без полной экипировки – хуже не придумаешь. Но как говорится, уж как случилось, так и есть.

По дороге встречаем еще одного местного жителя в панике.

– Там не пройти, что делать?! Там кошмар – застряли в болоте! Наши двое с ними там, но ни выйти сюда не могут,

ни бросить их там соответственно.

Из всего длинного монолога удалось понять только одно: дословно «застряли в болоте»... причем все... и те, кого вытаскивали, и те, кто вытаскивал. Просим аборигена показать точку входа и направление. Шуруем вдвоем напролом. Сначала стволы перепрыгиваем, потом перелазим. Вечер перестает быть томным. Под ногами конкретно хлупает. Нагоняем группу «Пилота». Пилот бьет дорогу, я пристраиваюсь следом. Когда крапива вокруг начинает закрывать горизонт, идущих (точнее, лезущих) рядом можно только услышать... В эфире тем временем начинается новый шквал квитанций. Все спрашивают, что делать и что конкретно известно, по сути, получено две взаимоисключающие вводные, одна от МЧС, вторая от местных жителей.

Где-то носится на квадре по лесу «Бешеный Пес» и докладывает «Заре» что пытается пробиться с востока, но какой там, к черту, квадр. Там все исполосовано канавами по два метра и глубже, а уж по поваленному лесу и танк не пролезет. Крики вокруг все нарастают, встаю первым и иду вперед... потом упираемся в то, что мне сначала показалось высокой грядой. Думаю, отлично... сейчас поднимемся и пойдем по сухому. Через пару метров упираюсь в поваленные стволы. Насколько хватает света «Катапульта», слева и справа этот ковер из «опавших листьев... стволов». Пытаюсь лезть, получается очень плохо... Постоянно срываюсь, оступаю, падаю... Рубимся сквозь это «кто-бы-знал-как-оно-называ-

ется». Если у кого-то дома есть пара коробков спичек, возьмите все и вывалите один на другой на столе. А теперь представьте, что получившееся перед вами не спички, а стволы деревьев. А теперь мысленно продлите это поле на километр в диаметре. Представили? Это то, что ждало нас в темноте, и где-то в середине этого кошмара были две бабушки, пятилетний внук и их собака. Попутно по разговорам получаем информацию, что там с нашими «потеряшками» не местные, а МЧС... потом информация меняется на милицию, потом опять на местных, и он там вообще один. Пытаемся определить азимут по отклику... вроде нормально, но несколько раз с разных сторон слышны чужие голоса... то ли местные лезут, то ли МЧС, то ли полиция, то ли такие же, как мы, «уматонету» решили прорубиться напролом... Среди этих завалов наша группа подрассыпалась. Скорость метров пятьсот в час, не больше. Внезапно понимаю, что за мной никого, кто-то слева, кто-то справа... крики и тяжелое, сбитое дыхание. Голосом просим того, кто с потеряшками, подсветить фонарем, свои гасим. Тишина. Внезапно метрах в трехстах слышится отклик и загорается свет, больше похожий на зажигалку. Снова со всех сторон фонари, вопли и хрипящее дыхание...

Пару раз ныряю головой вниз... в болото... Кругом болото, под всеми поваленными стволами стоит вода. Один раз, не удержавшись на мокром, соскальзываю меж стволов и проваливаюсь под них в полный рост. Сел... осмат-

риваюсь... приплыл ты, парень. Вокруг «каменный мешок». Стволы... стеной со всех сторон, под ногами по колено воды... Над головой прямоугольник неба... Вариантов нет... только пытаться выбираться наверх. Пару раз срывался... сыро... Начало подташнивать (кислорода и так не густо, и испарения от болота делают свое дело)... гнусно вот так поддохнуть... вонь от болота несусветная. Отдышался, наконец-то уперся ногами в какую-то ветку, только бы, зараза, не обломилась... вылез наверх... справа ушли вперед, слева пыхтит метрах в пятидесяти BVS, вижу его фонарь. Тех, что справа, уже не вижу... они где-то в этих «норах». Хитрый BVS нашел ровное место и отдыхает. Все это сопровождается бормотанием радиостанции с кем-то там, кто черт-те где. Внезапно на связь выходит штаб. Всем группам срочно выходить, пострадавшие в машине МЧС... рация повторила информацию трижды... Черт... сто пятьдесят метров... сто пятьдесят до того огонька, который был целью...

Мыслей ворох... Почему не сказали сразу, что потеряшек на том месте уже нет. Кто рассказывал всю дорогу сказки про застрявших в болоте. Что за идиоты местные, если упорно указывают на цель. Сижу... Начинаю приводить голову в порядок, но дыхалка сбита, дышу как собака, и в голове шум мешает сосредоточиться. Решаю соединиться с BVS и вместе обдумать план действий. Рублюсь к Володе, а до него пятьдесят метров... на это уходит двадцать минут. BVS подбадривает, даже пытается шутить. Снова падаю вниз башкой.

Сценарий тот же – крапива, ствол и обрыв. Опять канава, иду вдоль нее, где могу – ползу, где могу – лезу... BVS постоянно подсвечивает ориентир. Два раза отдыхаю. Восстановить дыхалку и двигаться дальше... Ноги уже разбиты... болотная жижа мерзко обжигает содранную кожу.

Выбираюсь... Параллельно мне выбрался к BVS и Вовеша. Нас трое... По связи прорывается Пилот.

– Никаких потеряшек в машине МЧС нет. Никакой машины МЧС нет. Потеряшки в болоте...

С ними пять бойцов МЧС и подошедшая группа Пилота. Всего десять человек... Пилот передает координаты точки штабу и принимает решение выносить пострадавших на восток, к просеке... расстояние шестьсот пятьдесят метров. Время часа три... Прикидываем наше местоположение, выходит, что мы от них с запада. И до них метров четыреста, и они начали двигаться в противоположную от нас сторону. Тем временем штаб пытается развернуть Пилота на запад, мотивируя тем, что в ста пятидесяти метрах от них, на западе, лес заканчивается... Штабные думают, что тут опушка... поляна...

Пилот практически сквозь зубы объясняет, что он по этому поводу думает.

BVS связывается с Пилотом и выясняет, что там на самом деле происходит, сколько их человек, и чем мы можем помочь. Принимая во внимание наше местоположение, выясняется, что ничем. Совещаемся и решаем выходить.

На точке нашего входа (теперь выхода) уже целая толпа... Местные и еще кто-то и откуда-то.

Слушают эфир и строят гипотезы... понятно – это самое полезное сейчас дело... Оборачиваюсь – в лесу еще остаются фонари... группы фонарей, некоторые пытаются выходить на нас... по рации не отвечают, но выходят. Медленно, мучительно выходят. Добравшись до машины, мы сдираем с себя все, что еще недавно было сухим и чистым. Переодеться в сухое получается лишь частично – половину вещей просто стремно надевать на заляпанное болотной жижей туловище.

Эвакуация началась теми силами, что были в распоряжении Пилота. Одна бабуля, уже не ходячая, и ее несут на носилках, проход в завалах под них пробивают двумя бензопилами. В конечном итоге всех, включая нагулявшуюся вдоволь собаку, вывели и вынесли спустя пять часов. Мы выезжаем домой. Завтра уже точно не встать. Травмы. Много. Одежда будет сохнуть не меньше суток... По дороге попадаем в ливень, видимость сто метров по горизонту. BVS звонит в штаб и предупреждает, что эта штука движется в их сторону. Собираем все пробки, какие есть в это время в Москве.

Завожу BVS и двигаю домой. Отписываюсь по приезде... Жуткая ночь, жуткое болото. И самое главное, до сих пор я не нашел ответа, зачем было ТУДА гулять с собакой.

Моя «Дополненная реальность в авиации»

Я нажимаю кнопку запуска, и турбина начинает вращаться с характерным для Робинсона-66 подвыванием. Когда обороты достигают 17 %, я включаю подачу топлива, и двигатель, быстро набирая обороты, забрасывает датчик температуры до семисот градусов. Лопасты медленно, но уверенно начинают вращаться над головой против часовой стрелки.

– Параметры в норме.

– Обороты 63 %, стартерный режим закончен.

Я подключаю генератор, щелкаю по тумблерам авионики, выставляю высотомер и авиагоризонт. Упрямый гироскоп-компас долго показывает высунутый язык красного флага, сообщая, что совершенно не готов к взлету, и нужно ждать, когда уже наконец раскрутятся все гироскопы.

Турбина готова отдать всю свою энергию на несущий винт. Мы на земле. Законцовки лопастей проносятся сверху на скорости двести пятнадцать метров в секунду. Вертолет, как проснувшийся хищный зверь, стоит на перроне, подрагивая мышцами. Последние проверки окончены, мы готовы к взлету. Я плавно ввожу коррекцию, и теперь уже вся мощь двигателя готова по первой команде рвануть к ротору винта. Вертолет окончательно проснулся и теперь больше напоми-

нает зверя, приготовившегося к прыжку. Короткий доклад:
– Буньково-Вышка, 06216 на второй в первую зону, к взлету готов.

Вышка отвечает коротко и быстро, передавая метеоинформацию на данную минуту, и подтверждает «взлет по готовности».

– Условия принял, взлетаю, 06216

Мой голос в гарнитуре кажется мне чужим и отстраненным. Я весь сосредоточен на управлении, и понятия не имею, точно ли это я веду радиообмен в этот самый момент.

Здесь стоит сделать небольшое отступление от повествования и немного объяснить тем, кто далек от авиации, чем вертолет отличается от самолета.

Абсолютное большинство тех, кто не имеет познаний в аэродинамике, уверены, что вертолетом управлять проще, чем самолетом, ведь вертолет может висеть и плавно снижаться, что и создает впечатление безопасности в отсутствие видимого дефицита времени. На деле же именно у пилота вертолета самый большой дефицит времени на принятие решений. Самолет любит летать, а вот вертолет летать не любит. Любого можно посадить за штурвал самолета в торце полосы и с нужными настройками, по командам инструктора он довольно беспроблемно взлетит и сможет оставаться в воздухе, пока не закончится топливо. Посадка – отдельная тема, но тем не менее я могу утверждать, что симмер (человек, серьезно увлекающийся авиасимуляторами) при опре-

деленных условиях имеет какие-то шансы выполнить условно безопасную посадку, пусть не с первого захода, но крепкие теоретические знания реально в этом помогут.

А вот с вертолетом ситуация, увы, однозначная. Ни один человек, не имея реального навыка, отработанного на обучении с инструктором, не то что не посадит, но и не взлетит безопасно на вертолете. И никакой симулятор не в состоянии дать хотя бы примерное представление и навык для управления вертолетом. Попытка взлета однозначно закончится если не катастрофой, то как минимум серьезной аварией и вертолет после этого придется списать, что называется в «total».

2013. Град Московский

Довольно удивительная история произошла, что называется, прямо у меня под носом. Всего в шести километрах от МКАД. Сейчас на этом месте стоят многоэтажки, и проходит современное шоссе, соединяющее киевскую и калужскую трассы. Но в момент описываемых событий, на этом месте все же был лес.

Дед заблудился, как часто это бывало в первые годы существования отряда, еще вчера. Пошел за грибами от деревни Картмазово в сторону совхоза Московский, но, как несложно догадаться, из леса в Московский он не вышел. Проблуждав в лесу весь день и всю ночь, дед окончательно сдался и лег умирать. С собой у него был работающий телефон, по которому он дозвонился семье и рассказал, что с ним произошло, а также сообщил, что шансов на выход из леса у него нет, потому как просто закончились силы. Дед сдался и прекратил борьбу за жизнь.

Мне ехать до места было ровно четыре километра, и я планировал прибыть в штаб одним из первых. Но Володя сообщил, что тоже ничем не занят и готов стартовать на поиск. Зная про подлый железнодорожный переезд в районе Внуково, договариваемся, что Володя подъедет к переезду на такси, а я буду ждать его с другой стороны, так мы сэкономим время. Благодаря этой хитрости, уже через двадцать минут

мы были в штабе.

Штаб расположился в кармане Киевской трассы. Пара групп уже сформировалась и выдвинулась в лес. Мы быстро одеваемся. Я при этом допускаю весьма серьезную ошибку, она мне потом аукнется, но я пока об этом даже не подозреваю. По вводным пострадавший на связи, слышит трассу, но идти уже не может. Всем представляется, что поиск мы закончим за пару часов, ибо киевская трасса рядом, теряться здесь особо негде, лес хоть и большой, но ограничен дорогами с запада и востока. На севере Картмазово, на юге Град Московский. Нужно просто пойти и достать пострадавшего. Как же я заблуждался... Сильно не думая головой, я надеваю поверх футболки только жилет с оборудованием и кепку от солнца. Снизу джинсы и кроссовки. В чем приехал в том и побежал.

Поиск координировал Горец. Горец примерно ровесник Володи. Полная седины борода, очки. Это был первый его поиск в качестве координатора. Он еще стесняется напрягать людей и требовать. Не знает поисковиков по позывным. Сомневается в себе. Это нормально. Отряду нет и трех лет, и, по сути, мы и сами ничего толком не знаем. И хотя на тот момент уже полным ходом шла систематизация знаний, но конкретики в алгоритмах поиска еще не было. Горец довольно быстро станет в отряде душой компании. Бог знает, сколько будет съедено шашлыка и хинкали на совместных посиделках между поисками. Но на тот момент мы об этом

еще даже не подозреваем. Горец пристально смотрит на карту и вслух делает выводы. Они вообще ничем не отличаются от того, что приходит в голову и нам. Если пострадавший лежит на месте и при этом слышит шум трассы, значит, надо пройти вглубь леса, выяснить, где шум трассы уже не слышен, и плотно прочесать лес от этой точки на всю глубину вдоль Киевского шоссе. Логика железная, и ни у кого нет сомнений, что это сработает. Все рассчитывают максимум на два часа поисковых работ. Дед в сознании, на телефон отвечает, инструкции получил – знает, что его ищут и будет откликаться группам.

Работаем, как обычно, двойкой с Володей. Берем позывной и шуруем по задаче в лес. На улице стоит чудовищная жара. Лес совершенно не приносит прохлады. Вокруг только звон цикад. От жары попрятались даже птицы. Нет ни единого дуновения ветерка. Даже лесная дорога душит зноем. В движении мы начинаем быстро перегреваться и вынуждены останавливаться все чаще. Запас воды, взятый с собой на весь день, тает на глазах и становится понятно, что его не хватит даже на пару часов. По имевшейся информации дед решил пройти через лес, чтобы набрать грибов, но лично я за все сутки поиска грибов там так и не увидел. Киевскую трассу слышно из леса метров за четыреста. Логика говорит, что пострадавший где-то в этой полоске, между трассой и границей слышимости, на которую доходит шум. Несколько раз группы проходят километры этого пространства, проче-

сывая лес в поисках пострадавшего. Время идет, а результата все нет. Пострадавший при этом остается на связи и от него становится известно, что он ни разу не слышал и не видел поисковых групп. В описании местности он начинает путаться. От обезвоживания начинаются галлюцинации, и пострадавший уверенно сообщает, что видит зеленый забор. Эта информация передается всем группам. Теперь мы ищем не только пострадавшего, но и зеленые заборы. Решаем пробить опушку по периметру, возможно, удастся отыскать тот несчастный забор. Мы проходим практически половину маршрута, так и не встретив ни единого зеленого забора. Но по ходу движения мы отмечаем одну странность. Шум Киевского шоссе, который давно уже стих у нас за спиной, несмотря на то, что мы продолжаем удаляться от трассы, вдруг начинает слышаться вновь, причем спереди.

Ничего не понимая, я смотрю в навигатор. Мы на максимальном удалении. Здесь нет трассы. Есть обычная дорога, по которой за день проезжает не более десятка автомобилей. Идем на источник звука и упираемся в забор. Ну конечно! Обзорный локатор РЛС «Зименки». Гудит громко... издавек его легко можно принять за звук автотрассы. Отмечаем точку в навигаторе и продолжаем далее по задаче... Выходим из леса уже в Граде Московском. Начиная от него и на север вдоль всей трассы работают группы. Понимаем, что делать там нечего, возвращаемся в лес и проходим обратно, западнее своего же маршрута на триста метров. Се-

вером возвращаемся в штаб. По дороге наивно веря карте, решаю проверить кусок забора и ухожу по нему в крапивное поле до горизонта. Крапива метра два высотой. Идти обратно и обходить забор уже тяжело. Решаю, что пройду насквозь. Кхм... прошел. Шестьсот метров крапивы в человеческий рост. В футболке с коротким рукавом. Я – молодец. Выломав метровую палку, я крошу крапиву и продвигаюсь в час по чайной ложке. Как я ни старался, а все одно получил миллион ожогов. Крапива пробивала даже джинсы. Злой и опухший, я вылез на чей-то участок с невысоким забором и уже по дороге, наконец, добрался до ждавшего меня все это время Володи. По этой дороге мы и пришли в штаб. В штабе новости. По трассе должен проехать кортеж... поэтому давайте-ка, ребятки, убирайте ваши машины отсюда, куда хотите. Ладно. Нам тут до леса было пять метров, но, если уж так надо, мы не гордые, и пятьсот метров как-нибудь тоже осилим. Весь штаб перемещается в Картмазово. С учетом обнаруженного шума обзорного локатора зона поиска расширилась практически на весь лес. Группы чешут лесную чащу, а мы берем сирену и начинаем кататься с ней по всему периметру, включая ее минут на пять в сторону леса и связываясь с пострадавшим на предмет, слышит он ее или нет. Сирена, катавшаяся в то время в моем багажнике, была не простой. Мы купили ее за несколько тысяч долларов на одном из промышленных предприятий, выпускавших корабельные ревуны. Собственно, им она и являлась. Сто трид-

цать шесть децибел оглушающего шквала. Володя сколхозил для нее ящик на колесах и источник питания, поэтому сирена была реально мобильной. Сирена не боялась ни жары, ни холода, ни дождя и могла работать сутками на одном заряде. Специальное реле автоматически включало ее на несколько секунд, после чего сирена несколько минут молчала. Такой режим был признан самым удобным для вывода пострадавших из леса. Мы начали отрабатывать лес со всех сторон. Это занятие заняло весь остаток светового дня, но ни разу пострадавший сирену не услышал. Хороший результат. Спросите какой? Собственно, это означает, что все эти зоны можно вычеркивать и не гонять по ним поисковые группы, ибо пострадавшего там нет. К нашему возвращению в штаб на месте в координаторах застаю уже Гришу. Горец передал координацию, но не уехал, а остался на месте, сидел на бордюре рядом со своей машиной и пялился в асфальт. За двенадцать часов он вымотан так, что, кажется, постарел лет на десять. Я помню, что хотел сказать ему что-то утешительно-ободряющее, но в этот момент меня выцепил Гриша. Я показал, где мы выставляли сирену и какое время работали. Результаты работы были, на сирену вышло из леса человек пять заблудившихся местных жителей, но ни один из них не был тем, кого мы ищем. Гриша осведомился о дальнейших планах. Мне нужно было отвезти Володю, потом заехать домой и принять душ, а после я снова готов был продолжить поиск. Гриша поморщился, видимо, информация о пяти по-

путно заблудившихся и найденных в том лесу его расстроила и попросил оставить сирену для дальнейшей работы групп, что я и сделал, быстро объяснив, как она управляется.

Отвезя Володю в Одинцово и проторчав на проклятом переезде минут сорок, я все же попал домой. В момент, когда я, как обычно, рывком стянул с себя кроссовки, я понял, что у меня проблема. Двадцать километров в обуви, не предназначенной для леса, и вообще не предназначенной для ходьбы просто-таки «убили» мне ноги. Когда я снимал носки, вместе с носками со всей подошвы слезла и кожа... как стелька, на обеих ступнях.

Боль была невыносимой. У меня не было идеи, чем можно было ее унять, и я просто инстинктивно вернул куски кожи на место. На удивление боль быстро утихла. Не до конца поверив такому волшебству, я снова содрал кожаные «стельки», и боль опять пронзила мозг холодным стальным прутком. Это было так странно. Но вывод был очевиден. Снова вернув лоскуты кожи на место и обмотав все это несколькими слоями лейкопластыря, я смог ходить практически безболезненно. Душ отменился. Размочить все это – автоматически означало снова испытать всю эту гамму болевых ощущений, а я на это был не согласен. Просто умывшись, я переоделся и снова поехал на место поиска. Машин в ночи у штаба было не меньше, чем днем. На месте была и Лена «Кипяток». Ее жилет метался от штаба к машине и обратно, она громко спорила с кем-то в темноте, освещая лицо оппонента фона-

рем. Оппонент отмахивался и норовил скрыться в темноте, но каждый раз снова попадался под назойливый луч фонаря Кипятка.

Гриша зол и задумчив. Он тоже не понимает, где может находиться пропавший, особенно с учетом того, что весь лесной массив закрыт поисковыми группами довольно плотно. Собрав из присутствующих в штабе четыре группы, Гриша отправляет всех в самую дальнюю часть леса. Точнее, дальняя она только по отношению к штабу, а вообще этот кусок примыкает к высотным домам Града Московский. От одной из групп есть информация, что в ночи был одиночный, слабый отклик примерно в той части леса. Поскольку отклик был один, локализовать его не удалось. Группа вышла из леса, и теперь именно нам предстояло доделать то, что не смогли закрыть ночью.

Горец все так же сидит на бордюрном камне, устало щурясь и протирая очки. Я примерно понимаю, что значит его угрюмая поза. Скорее всего он считает деда уже погибшим, так как последний уже перестал отвечать на телефонные звонки. И последним с дедом по телефону разговаривал именно Горец.

Это практически животный страх большинства координаторов и операторов группы прозвона. Ты общаешься с пострадавшим, а потом у него пропадает связь, или он теряет сознание и медленно погибает в лесу... и ты... последний. Люди прокручивают потом запись этого последнего разго-

вора месяцами, и грызут себя почему зря, выискивая и придумывая собственные «ошибки», постоянно воспроизводя сценарии в духе «а если бы». Позже я сам неоднократно буду попадать в подобные истории, общаясь с пострадавшими по телефону в момент обрыва связи... Никакой трагедии для себя я в этом не увижу. Да, так бывает. Да, люди погибают. Да, я не всем смог помочь. Но я не волшебник и не бог. Связь пропадает, аккумуляторы садятся. Это жизнь.

Горец, взявший свой первый поиск, с ним не справился, и теперь сидит, посыпая голову пеплом. Разумеется, это только его личные выводы, и никто из окружающих так не думает. Отряд вообще действует только на одном принципе – непогрешимости решений координатора. Ты либо выполняешь задачу, которую поставил координатор, либо... тебе стоит десять раз подумать, надо ли тебе ехать на поиск.

Мы вдвоем с Кипятком бредем по мокрому от утренней росы лесу. В соседних квадратах слышна работа ушедших с нами групп. Предупреждаю Лену, что с ногами у меня все плохо, поэтому точно не знаю, сколько смогу пройти в этот раз, но пока терплю. Примерно в километре в лесу слышны выстрелы. Это Карен... за каким-то чертом он взял с собой «Сайгу» и палит из нее в воздух, в надежде, что пострадавший его услышит. Как при этом мы узнаем, что пострадавший эти выстрелы слышит, никому не известно. С тем же успехом на поиске можно применять, например, гранаты. Это тоже громко и абсолютно неэффективно. Наконец

в эфир прорывается третья группа, которой удалось обнаружить пострадавшего. Он лежал в высокой траве, на краю болотца, и плохо понимал, что происходит вокруг него. Рядом с ним не было зеленого забора, который он описывал по телефону. Собственно, не было никаких заборов и признаков цивилизации вообще. Минут за пятнадцать мы с Леной добрались до места по координатам, переданным группой, обнаружившей пострадавшего. Деда уже переодели в сухое и уложили на термоодеяло. Я достал из ранца мягкие носилки, которые были со мной постоянно, и в восьмером мы переложили на них пострадавшего. Теперь предстояло вынести нашего несчастного к машине скорой помощи. Гриша довольно долго согласовывал варианты маршрута, дабы скорая смогла подобраться как можно ближе к точке выхода. Наконец, было найдено решение, при котором нам нужно было вынести пострадавшего на старую просеку, по которой мог пробиться на джипе Шерман, а потом вывезти его на асфальт к месту встречи с медиками. По дороге я пару раз жестко сцепился с Кареном, так как его «Сайга» дважды упиралась мне стволом в живот. Естественно, все его увещевания о том, что ствол не заряжен и безопасен, мне были до лампочки. Комфорта мне это не добавляло. И всю дорогу я ворчал о том, что верхом глупости было брать на поиск ствол. Карен и сам понимал, что «Сайга» была тут лишней, но поделать уже ничего не мог. Так мы и шли по лесу, таща носилки с пострадавшим и перманентно матерясь на ствол,

управившийся куда попало.

Дед постепенно приходил в сознание и начинал ругаться сам на себя за то, что так бестолково поступил по отношению к себе и окружающим. Последним его разговором по телефону оказался не разговор с Горцем, а разговор с дочерью, с которой он попрощался, так как уже не надеялся выйти живым.

Передав деда скорой медицинской помощи, мы вернулись в штаб. В штабе царила эйфория. Гриша улыбался, заглядывая в глаза каждому, как бы говоря: «а вы не верили». Горец смотрел в штабную карту, водя пальцем по месту, где была отмечена точка обнаружения, прикидывая, можно ли было собрать деда раньше. И наверное, только один я знал ответ на этот вопрос. Собрать пострадавшего раньше должны были и могли в теории мы с Володиёй. Ибо именно туда, к этому самому болоту, отправил нас Горец в первой нашей задаче. Но мы не дошли до точки, так как поступила новая вводная про зеленый забор. И мы пошли проверять зеленые заборы. А вот почему мы отклонились от дальнейшего выполнения задачи и прошли мимо точки, на которую нас отправил координатор... загадка. Естественно, это была случайность. Правда, чуть не стоившая человеку жизни. Вот так я, нечаянно, чуть не стал виновником трагедии и подпортил дебют Горца в качестве координатора. Впрочем, выводы я сделал для себя самостоятельно и никогда больше не допускал подобной ерунды.

2013. Наро-Фоминский

Совершенно не запомнил начало того дня. Это было лето и всю дорогу шел дождь. Он то затихал, переходя в серую пыль, то наваливался с новой силой, заливая потоками все пространство до горизонта. Заявка на поиск поступила в двадцать два тридцать. Лена «Кипяток», сокрушаясь, что поехать не может, сообщила, что в лесу женщина с двумя детьми, и одному из них всего четыре года. Мне ровно тридцать километров до места, по киевскому шоссе, поэтому особо не раздумываю. Просто собираюсь и срываюсь в ночь, навстречу потокам дождя и темноте леса.

Еще до прибытия на место, связываюсь по телефону с дежурной частью Наро-Фоминска. Дежурный диктует мне номер старшего на месте от полиции и кое-как объясняет, где сейчас находится группа и формируется совместный штаб с МЧС. Продравшись через невесть откуда взявшуюся пробку и поплутав по закоулкам садового товарищества, наконец, приезжаю на указанную дежурным точку сбора. Посмотрев по сторонам, я быстро убедился, что на месте никого нет. Весьма удивившись этому факту, обращаюсь к местным, что примечательно, местные, зная о пропаже ребенка, вышли на улицу под дождь и обсуждали варианты развития событий. Одна словоохотливая старушка, видя мою форму, не задавая лишних вопросов, скороговоркой выпалила:

– Были, были. Были да уехали. Чуть-чуть вы разминулись!

Звоню на этот раз напрямую старшему от полиции. Объясняю, кто я и зачем звоню. Старший быстро, так же скороговоркой, сообщает, что из садового товарищества они переместились ближе к той части леса, где, по их мнению, сейчас находятся пострадавшие, а именно в деревню, которая километрах в десяти от первоначальной точки сбора.

Подъезжаю в Мишутково – на месте опять никого. Рация включена, но в эфире тихо.

Снова звоню старшему.

Сообщает, что они в Мишутково были, но уехали, так как не смогли из-за заборов и шлагбаумов проехать к лесу.

Следующая точка Новоглаголево, 3-й Южный проезд (в результате оказалась 3-я Южная улица), а в Новоглаголево есть и проезд, и такая улица...

На связь вышел 545, он меня и навел на место.

На месте машина МЧС с сиреной и три машины полиции, машина 545, с ним Фея, и начинают подъезжать волонтеры. Радиостанция взрывается сотней бессмысленных сообщений. Три человека умудрились засрать эфир чуть более, чем полностью. Громче и чаще всех слышно Ираклия. У него, по его словам, какое-то спецзадание. Опера, стоявшие с нами и слышавшие всю эту чепуху из динамиков, дружно хлопали себя по лицу ладонью, изображая полный facepalm.

Начинаем общаться с полицией. Быстро выясняется, что делать тут нечего, ибо в лес отсюда выйти невозможно. Зна-

чит, точка входа там, где СНТ и пруд, то есть ровно в том месте, куда я прибыл в первый раз.

Быстро собираемся и едем обратно в СНТ Жедочи. Выстраиваемся колонной вместе с полицией и МЧС, по дороге подхватываем на бетонке еще одну машину с Фантастом. Пока едем, Фея пытается довести по рации информацию до всех, кто едет в колонне, чтобы по прибытии на место не повторять и не тратить время. В это же время в эфире гвалт и бардак... машин подъезжает все больше, Ираклий быстро затыкает рот Фее в духе «не засорять эфир, у нас спецзадание», мы не спорим и сваливаем на 22 канал радиостанции. Фея быстро рассказывает всем о том, что в 21:00 в службу 112 поступил звонок от заявительницы о том, что она находится в лесу в этом районе, с ней ребенок четырех лет и сын двадцать три года. Куда идти, не представляет. Зачем ушли в лес неизвестно, где ее дача неизвестно, родственники не установлены. Связь с заявителем пропала, предположительно, сел телефон. В данный момент полиция по номеру телефона устанавливает владельца номера и родственников.

Минут через двадцать мы прибыли в СНТ «Жедочи» и начали экипироваться. Параллельно обсуждаем, что и как. Пришел уточненный биллинг от полиции полтора километра на юг от сотовой вышки в Мишутково.

Галопом подъезжает знакомая машина Гриши. Вывалившись почему-то в одних шлепанцах из своего Хаммера, Гриша сказал, что пропавшая предположительно к северу от ли-

нии Жедочи – Мишутково и они сейчас выдвигаются туда бегом, поэтому наш кусок леса будет южнее. Я подтвердил, что будем работать тремя группами с востока на запад, южнее точки входа и будем на связи. И Гриша, смешно переступая сланцами, умчался переодеваться.

Полиция заявила, что пойдет с нами. Матерые опера, одетые ни разу не для леса и уж тем более не для прогулок под дождем, тоном, не терпящим возражений, сказали, что раз в лесу ребенок, они здесь не останутся и ждать ничего не собираются, а идут в лес как есть, вот в этих вот кожанках и кроссовках, пропускающих воду не хуже любого дуршлага.

Фея остается в штабе, 545 берет с собой пять человек полиции, Фантаст, взяв еще двоих, уходит на самый южный фланг, мы вдвоем с Кандеем врубаемся в лес прямо с точки входа и довольно быстро, перепрыгивая разлившиеся ручьи, скрываемся в раскисшей темноте леса.

Мой Катапульта бодро рубит темноту на полной мощности, заливая теплым светом стволы деревьев с раскидистым лапником и съезжившиеся под ливнем кусты подлеска. Кандей идет с налобным Петлз и свободными руками занимается ковырянием в компасе и навигаторе, так как идем мы быстро, и ему приходится чаще сверяться с данными. Свой навигатор я отдал 545. Точнее, хитрец сам выпросил у меня мою Монтану, которую только недавно мне подарила жена, поняв, что увлечение мое поисками всерьез и надолго. Монтана была новой и на тот момент самой дорогой в линейке навигаторов.

Ее экран поражал воображение каждого, кто брал ее в руки после Орегонов, Дакот и Е-трэксов. В ней имелись все приблуды, какие только можно придумать для шатаний по лесу, морю, воздуху и вообще всему, что находится на земной поверхности. Теперь этим набором никого не удивишь, так как все они есть в любом туристическом навигаторе, но в те годы это был космос. Мне жалко было отдавать Монтану 545, но навигатор их группе был нужен, а я не такой жлоб, чтоб зажать оборудование на поиск ребенка.

Мы шли метрах в тридцати друг от друга, временами работая на отклик. Для этого приходилось останавливаться и кричать в темноту леса. Глотку драл я, а Кандей слушал, складывая руки локатором. Шум ливня сильно мешал. Даже здесь, под плотной кроной леса, потоки воды струились вниз, ручьями стекая по длинной, серебряной бороде Кандея, от чего последняя намокла и больше походила на кусок длинной веревки, болтающейся ниже висевшего на груди навигатора. Вот встретить такого «лесовика» ночью. Черт-те что можно подумать. Кандей абсолютно грамотный и бесконечно беззлобный, молчаливый мужик в возрасте, многозначительно молчащий по любому поводу. Он всегда был немногословен, но по его виду было ясно, что опыт у него за плечами серьезный. А главное – у него замечательные аналитические способности. Он проявит их на поисках не раз и не два. Он вытащит потом еще кучу народу из леса и сделает все это молча, практически ни с кем не общаясь. В какой-то мо-

мент я начинаю слышать отклик пострадавших. Очень далеко, на пределе слышимости, в шуме дождя, мне начинает отвечать женский голос. Девяносто девять процентов, мы установили контакт с нашими пострадавшими. Кандей ничего не слышит и недоверчиво смотрит, переводя взгляд от леса на меня, как бы проверяя направление. Я уверенно указываю в точку, из которой слышу теперь уже четкое «мы здесь». Метров через сто, наконец, и Кандей начинает слышать отклик, и мы теперь уже просто бежим по направлению, не разбирая дороги. Мокрые ветки больно хлещут по лицу. От одной увернулся – тремя получил. Пока мы бежим, я начинаю понимать, что женский отклик, во-первых, не остается на месте, а начинает перемещаться вправо, а во-вторых, начинает откликаться реже.

– Стой! Остановись! Мы идем! Оставайся на месте! – кричу я.

– Стою... – внезапно поникшим тоном ответил женский голос.

Ничего глупее не придумаешь, как пытаться ночью бежать по лесу в полной темноте, без света. В истории поисков полно примеров, когда пытавшиеся выходить самостоятельно пострадавшие, выходили из леса без глаза. Те, кто без одного, видимо, еще выходили, а те, кто без обоих, видимо, уже оставались там навсегда. Поэтому в статистику попали только с одним глазом. Но мы-то знаем.

Мы все еще бежим в полную силу, проскакивая сквозь

частый ельник, словно сквозь веник. Мне несколько странно, что я не слышу ни одной группы в лесу, и не слышу уже давно. Это говорит о том, что мы ушли далеко вперед и врубались в лес не меньше, чем на два километра.

Внезапно лесная пасть раскрывается, и я выскакиваю на поляну метров десять в диаметре. Кандей шумно влетает следом. В свете наших фонарей женщина в светлой кофте. Лицо искажено истерикой. Уголки рта лезут вниз, глаза щурятся от света, пытаюсь спрятаться от бьющих лучей. Она нас не видит. Она разговаривает с двумя столбами света перед ней.

– Где ребенок? – гавкаю я, не увидев главного (пропавшего Диму, четырех лет от роду)

– Да вот тут, тут – хнычет женщина, указывая на кусты позади себя справа.

Метнувшись в указанную точку, нахожу там старшего, который держит на руках мальчишку и, прижимая к себе, пытается согреть его остатками своего тепла. Тепло они потеряли быстро. Дождь вообще не способствует сохранению энергии, и стоящего с младшим на руках парня колотит крупная дрожь.

Найдены. Все трое найдены. Мы скидываем процентов по семьдесят с мощности своих фонарей, чтобы не слепить ни пострадавших, ни себя. Ибо сейчас нам придется изрядно повозиться на месте, прежде чем подойдут основные силы, и мы двинемся на эвакуацию.

Кандей докладывает в эфир об обнаружении и трижды подтверждает это, так как его несколько раз забивают выходами в эфир группы, работающие севернее. Я тем временем сдергиваю насквозь мокрые тряпки с младшего и вытираю его насухо. Раскинув свои ранцы, мы вытаскиваем на свет один комплект сухого белья, пригодного для нашего пострадавшего. Теплая кофта Кандея, мой плед и сверху спасательное фольгированное одеяло. Весь этот «пирог» гарантированно не даст промокнуть вновь и сбережет тепло тела, не давая ему уйти наружу. Кандей отпаивает всех горячим чаем. Я же тем временем злобно интересуюсь в рацию, где наша чертова группа эвакуации, так как вдвоем мы троих не вытащим. Младший, в принципе, может передвигаться только на руках одного из нас, а двое взрослых настолько измотаны и замерзли, что непонятно, смогут ли они выйти из леса без потерь. Даже одно падение в мокром насквозь лесу имеет все шансы закончиться плачевно.

«545», получив координаты, говорит, что он недалеко, и выдвинулся в точку всей группой, для эвакуации. Примерно рассчитав время, я усталился в направлении появления группы, пытаюсь засечь свет фонарей на подходе. Четырехлетний Дима уже весьма освоился у меня на руках и обозревал происходящее не снизу вверх, как привык, а находясь над головами всех присутствующих. Согревшись, он начал говорить все, что взбредет в голову, как это делают все четырехлетние. Двенадцать часов, проведенных в лесу под дождем, произве-

ли на него неизгладимое впечатление, и он очень хотел поделиться эмоциями со мной и Кандеем. Взрослые же, хоть и выпили на двоих термос горячего чая, все так же стремительно теряли тепло через промокшую насквозь одежду, и мы решительно ничего не могли с этим поделать. Единственный вариант – начинать двигаться как можно скорее. Пока они двигаются, они не замерзнут. В темноте леса несколько раз мелькнул луч фонаря.

– Сюда!!! – я крикнул как можно громче.

– Идем мы! – ответило два голоса из темноты.

Через несколько секунд, вместо группы 545 с матерыми операми, на нас вышли две фигуры – один тощий, как палка, второй напоминал скорее что-то румяное в форме пряника.

– Ладога и Десятый – представились оба.

– Дай мне ребенка! – потянулся Десятый к Диме, хватая его за плед.

– Я пока не устал. Давайте выходить, – парировал я.

Ладога схватил рацию, и на весь лес, раза четыре доложил, как на голубом глазу:

– Мы их нашли! Да! Нашли!!! Вот стоим рядом! Мы! Мы! Мы нашли! Да! Ладога и Десятый, да!!! – он не отпускал тангенту радиостанции, пока не выдавил из себя всю порцию воздуха.

Рация, голосом Гриши, ответила:

– Ну вы красавцы! Давайте в штаб!

Кандей, все это время крутивший карту и навигатор,

ткнул строго на север.

– Там газопровод должен идти, если его «подсечь», девятьсот метров, и мы на дороге, – сказал он и поправил веревку вымокшей бороды.

Мы начали двигаться, но вместо того, чтобы «бить» дорогу впереди, Ладога и Десятый крутились вокруг меня, как приклеенные. В конце концов мне это быстро надоело.

– Вы первый раз, что ли? – спросил я.

– Один вперед, прокладывать дорогу, второй замыкающим. Вот ты, – я ткнул в Десятого, – иди вперед. Ты, – я указал на Ладогу, – идешь последним, и чтобы никто не отстал.

Нахмурившись, оба новичка разошлись по указанным местам, и дело пошло быстрее. Доложив 545-му, что мы выходим на север, так как подошли двое новичков, я предложил ему подсечь газопровод с другой стороны, так, чтобы в результате мы встретились именно на нем. План был замечательный, но, к сожалению, природа оказалась сильнее. На газопровод не смогли выйти ни мы, ни группа 545-го. Разлившийся до десяти метров в ширину ручей, не дал нам соединиться в нужной точке. Опера решительно двинулись штурмовать водную преграду.

– Куда вы, ну! Сейчас найдем переход! – еле успел остановить их 545.

Метров через двести мы наткнулись на хлипкие бревна, кое-как наваленные поперек ручья. Будем переходить, делать нечего.

Десятый не без труда переходит на другой берег и стоит там, не понимая, что делать дальше. Туда же стягивается и группа 545-го, теперь нас приличное количество, и пойдем мы к выходу куда быстрее, но сначала надо переправить через ручей оставшихся. Я перебираюсь на другой берег с ребенком на руках и отдаю его Десятому прямо в руки. Не ожидавший такого поворота Десятый не сразу оценил произошедшее.

– Понесешь? – спросил я, в сущности, не сомневаясь в ответе, но мне была интересна реакция, ибо я видел какое-то нездоровое навязчивое желание нести именно четырехлетнего мальчика. Хотя, признаться, потом я уже понял, что основная цель была не нести по лесу, а именно вынести из леса, в штаб... под вспышки фотоаппаратов.

Новички... что с них взять. Там адреналина больше, чем мозгов. Потом успокоятся, со временем.

– Да, да, да! – замотал головой Десятый, перепутав да и нет в координации кивков головы и отрицания. Вышло по-болгарски.

Я же, утратив к нему интерес, вернулся на средину ручья. Оценив масштабы бедствия, я понял, что без героизма тут не обойдется и слез в ледяную воду. Опера, мгновенно поняв замысел, ринулись в тот же ручей, встав с двух сторон от скользких бревен и подняв руки вверх, так, чтобы получились хоть какие-то перила. Ладога, посмотрев на нас, в нерешительности тоже сполз в воду. Женщина перебралась

без приключений, опера практически вынесли ее на руках. С двадцатитрехлетним пришлось повозиться, выглядел он лет на пятнадцать, а крупная дрожь все никак не переставала долбить его конвульсиями. Он несколько раз срывался с бревен, но упасть мы ему, разумеется, не позволили.

Собравшись на другом берегу, и пересчитавшись по головам, чтобы никого не оставить, мы двинулись по газопроводу в сторону дороги. Довольно быстро стало ясно, что идти по нему мы не сможем. В лесу каждое свободное пространство быстро заполняется новой растительностью. И в результате что на просеках, что на газопроводах за пару лет образуется непроходимый забор из стволов и веток, который куда гуще любой реликтовой чащи.

Кандей предлагает вернуться и попробовать выйти через лес, прямо в СНТ, но я, глянув на наших пострадавших, категорически не соглашаюсь. Вряд ли они осият еще одну переправу и два километра под проливным дождем. Кандей предлагает пробиваться на запад, в то самое проклятое Мишутково, ибо до него по карте примерно шестьсот метров леса и еще столько же поля, но туда на опушку теоретически можно подогнать машины. Опера быстро связываются со своим начальством, чтобы переориентировать все службы, включая скорую помощь, на новую точку выхода. Пока мы стояли, выбирая новое направление, тощий Ладога и пухлый Десятый устроили фотосессию с ребенком на руках. Опера удивленно вскинули брови и посоветовали начать побыстрее

двигаться. Им эта фотосессия была совершенно непонятна.

Лес по пути на запад оказался гораздо более проходимым, чем весь предыдущий путь. Мы уже ждали, что он вот-вот закончится и на опушке нас будут ждать три теплые машины полиции, как вдруг все дружно уперлись в трехметровый забор.

– Твою мать... – рявкнул кто-то из оперов.

– Петрович! Ты тут?

– Да! Тут мы, – ответил из-за забора невидимый собеседник.

– Калитка, падла, заварена!

Вместо поля перед нами оказался недостроенный поселок, обнесенный по всему периметру глухим забором. Кандей, прикинув периметр поля, сообщил, что забор придется обходить километра три.

– Чего делать-то? – опера продолжили диалог с голосом из-за забора.

– А я знаю? Перелазьте, если сможете. Машины я подогнал, тут они! Охрана там борзая, еще и пускать не хотели! – гневно прошипел невидимый голос.

Я взметнулся на забор и уселся на него верхом, свесив ноги по разные стороны. С другой стороны забора была полная темень, в которой кто-то сопел и тихо матерился, пытаясь продрасться ближе.

– Давайте пацана первым, – сказал я операм.

Опера, не церемонясь, выдернули из рук Ладоги ребенка

и подняли его на вытянутых руках, передавая мне, чтобы я перенес его внутрь периметра.

– Ты там аккуратнее с ним! Есть там кому передать-то?

Я врубил фонарь вниз, осветив пытящую в темноте фигуру. Погоны резанули по глазам двумя звездами.

– Да нормально все! Вон тут целый лейтенант внизу, – успокоил я начавшую в голос ржать компанию.

– Чего вы ржете-то? – никак не мог понять я.

– Лей-те-нант... – сдавленно донеслось из темноты.

Я еще раз включил фонарь, направив его вниз. На меня снизу вверх смотрело круглое лицо, а из тени офицерской фуражки светили те самые две звезды и два, черт побери, просвета.

– Простите, та-арищ подполковник, я Вас случайно в лейтенанты разжаловал, не видно ни пса, – оправдывался я, глядя поверх подполковника и пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь еще среди кустов, травы и грязи. С другой стороны забора смех уже перешел в неприличный гогот.

– Да ладно, все нормально, – сказал подполковник.

– Давай сюда мальчика!

Я аккуратно отпустил сверток с пледом, в котором тихо сидел четырехлетний Дима.

Подполковник бережно взял на руки ребенка и медленно пошел к машине, стараясь не упасть и не уронить бесценный груз.

– Давайте женщине поможем теперь, что ли?! – взял я за

руки пострадавшую и потянул на себя что было силы. Снизу помогли опера, а сверху на забор успел взгромоздиться и 545-й. Дружной компанией мы перекидали через забор всех по одному, последним на землю за забором шлепнулся опер размером с трехстворчатый шкаф.

– Вот черт, не видно же ни фиги! – возмутился он. – По-настроили, уроды!

Ладога с Десятым тем временем уже перемахнули через забор и залезли в первую машину, в которой отогревался четырехлетний Дима.

Подполковник стоял в нерешительности. Мест на всех, естественно, не хватало и он не знал, как разрулить эту ситуацию прямо здесь и сейчас.

– Пострадавших заберите, а мы сами дойдем, тут рядом уже, – сказал 545.

Мы остались с операми на дороге, а машина с пострадавшими, Ладогой и Десятым укатила к точке сбора, месту, где уже ожидала машина скорой помощи и целая орава волонтеров, которые уже вышли из леса и ждали финала.

– Ребят, ну вы как? – спросил я, окинув взглядом грязных и изодранных оперов.

– Да нормально все. Бывало и хуже.

– Ну вы монстры! В одних полуботинках в лес.

– Да хрен с ними. Ребенок же! – почти обиделись опера.

Мы достали из укладок термосы и разлили на всех оставшийся чай, а потом шли, шатаясь, по грязной дороге, мед-

ленно приближаясь к штабу, пытаясь раскурить размокшие вдрызг сигареты. В штабе было светло и многолюдно, а также очень шумно. Воробьева поздравляла Ладогу и Десятого с их первым «найден жив». Откуда-то взялись телевизионные камеры. И, собственно, их наличие и объясняло то, что в штабе было очень светло. Отовсюду были слышны крики «молодцы» и аплодисменты. Мы встали чуть поодаль от образовавшегося круга. Опера вопросительно посмотрели на меня и на 545-го.

– Да-а... ладно, – пробубнил я, не нашедшись, что еще ответить.

– Ща, парни, погодите пять секунд, мы сигареты принесем, покурим еще, пообщаемся.

– Стоим, – сказал я и продолжил наблюдать за машиной скорой помощи.

Наконец, дверь открылась, и оттуда вышел врач. Он посмотрел по сторонам и направился прямо к нам.

– Кто старший? – спросил он.

– Я, – тихо ответил 545.

– С парнишкой все в порядке, немного переохладился, но это без последствий, в целом, все хорошо, в госпитализации не нуждается, и... спасибо... – зачем-то добавил он.

– Вам спасибо, – сказали мы хором.

Опера вернулись, как и обещали, с запечатанной пачкой сигарет, и мы быстро и жадно задымили, наслаждаясь окончанием как поиска, так и дождя, который успел вымотать нас

за это время. Мы курили минут двадцать, обменивались телефонами «на всякий случай», и жали друг другу руки. Телефонные номера пригодились позже, и не раз. В Наро-фоминском довольно часто пропадают грибники. Обмен контактами ускорил время реагирования на заявки, сведя к нулю процедурную волокиту.

Внезапно, словно черт из табакерки, из темноты на нас вывалился Десятый.

– Вы это... извините – на... чет как-то так получилось, – промямлил он.

– Да нормально все. Давай. Пока.

– Ага, давайте, – сказал он и так же быстро исчез в темноте.

Внезапно я понял, что очень устал и невыносимо хочу спать. Хорошо, что до дома было всего тридцать километров.

Мое «Формирование познавательных действий у старших дошкольников»

Очень медленно и плавно я поднимаю вверх ручку общего шага, заранее при этом слегка создавая усилие на левой педали, пальцы сжимают циклик (ручка циклического шага) так, что, кажется, никаким усилием его не удастся сдвинуть ни на миллиметр. Вертолет ожил и под рев турбины начал елозить по бетону перрона влево и вправо. Ощущение, что машина рвется в небо, пытаюсь сбросить на землю мешающего ей свободно летать недопилота.

В момент отрыва я почувствовал, что все пошло наперекосяк. Вертолет накренился и начал смещаться в сторону, одновременно рыская носом и пытаюсь завалиться назад. Я точно знал, что делать, я понимал всю технологию процесса, я абсолютно точно представлял, какие силы будут воздействовать на вертолет в момент отрыва, но это вообще никак не помогло мне удерживать машину на месте. Естественно, Дмитрий сразу вмешался в управление, мягко вернув вертолет на место, где мы и зависли в двух метрах над землей. Теперь нужно плавно отойти назад, развернуться на девяносто градусов по часовой стрелке и начать разгон с одновременным набором высоты. Все так просто... в теории. На деле... я

рывком сдергиваю вертолет практически на хвост, тут же перекидываю его на нос, одновременно развернувшись по часовой стрелке практически на сто восемьдесят градусов. Даже не знаю, как все эти пляски выглядели с земли. Болтаясь, словно неваляшка, чудом выдерживая направление, мне кое-как удалось добиться роста скорости, и вертолет медленно начал отходить от земли, постепенно стабилизируясь в набегавшем потоке воздуха. Онемевшими пальцами я как можно плавнее пытался воздействовать на ручку циклического шага, мои ноги превратились в две деревянные культи. Я видел, как уполз шарик указателя скольжения вправо и пытался выдавить его в центр правой педали, но не мог сдвинуть его ни на миллиметр. Вертолет упирался и упорно летел со скольжением. Я давил на правую педаль изо всех сил, но она не поддавалась.

- Буньково-Вышка, 06216, взлет произвел, курс в первую.
- Зона свободна, 06216, окончание работы доложите.
- Окончание доложу, 06216.

Во рту пересохло. Взлет парализовал все мышцы. Я не первый раз в воздухе, я летал самостоятельно (правда, не на вертолете), я точно умею управлять вертолетом на маршруте, я умею вести радиообмен и навигацию. Что со мной сейчас происходит? Дима обращает мое внимание на указатель скольжения...

- Правую педаль дай.
- Да я пытаюсь! – почти кричу я, понимая, что педаль за-

клинило, и она не поддается.

– Сам с собой борешься, ноги расслабь.

Не особо поверив словам Димы, я практически убрал ноги с педалей и слегка толкнул правую вперед. Вертолет тут же отреагировал возвратом шарика указателя скольжения в центр.

Черт побери! Я сам создал себе этот бардак. Правой ногой я пытался давить правую педаль, одновременно при этом не давая ни на миллиметр сдвинуться левой. Внезапно я понял, что все мои мышцы просто задеревенели. Результат психологического напряжения. Я огляделся. Я в воздухе, на маршруте. Набегающий поток плотно обнимает борт, несущий винт держит машину не хуже обычного крыла, все стрелки приборов на своих местах. Все штатно... Я успокоился. Расслабил ноги, руки, плечи... Дыхание стало ровным, спокойным. Теперь все привычно, ясно и понятно – я в воздухе.

2013. Подольский

Владимир Павлович, восьмидесяти четырех лет отроду, пропал в Подольском районе, пойдя в лес за грибами. Слух и зрение, со слов родственников, у грибника ослаблены, и общее состояние таково, что передвигаться он может только с тростью.

Заявка на поиск пришла ближе к вечеру. Я точно хотел поехать, а вот у Володи на утро были запланированы дела, поэтому он решил, что в ночь смысла выезжать ему нет, дорога дальняя, и времени на выполнение задач у него толком не останется, чтобы вернуться утром на работу. Но одновременно со мной на поиск решила ехать Лена (Кипяток), правда, сказала, что за рулем она уже не сможет, по причине лютой усталости, поэтому, если я соглашусь ехать с ней за рулем, она меня подхватит. На том и порешили. Она приехала уже через час, и я с ходу запрыгнул за руль ее выдавшего виды Галоппера. До места мы добрались довольно быстро, несмотря на то, что в те годы Малое бетонное кольцо было серьезно загружено и перекрыто кучей железнодорожных переездов.

Поиск на месте координировала Нюра. К тому времени Нюра чуть меньше года была в отряде, но, по причине своей въедливости и дотошности, довольно быстро перешла из разряда пехоты в координатора лесных поисков. Что, надо

признать, получалось у нее вполне толково. Она умела находить язык со всеми, кто приезжал на поиск и довольно быстро завоевала доверие многих, начиная от простых волонтеров и заканчивая суровыми ребятами в погонах с большими звездами. До нашего приезда она отправила на задачи примерно пятнадцать групп, и, поскольку весь лес был уже относительно неплохо закрыт, нам достался совершенно бестолковый кусок, что называется, «а вдруг»... а вдруг пропавший просто пошел вдоль дороги по лесу и не вышел по какой-либо причине.

Врубаюсь метров на пятьдесят вглубь леса и иду вдоль дороги. Кипяток идет по самой дороге, так как нужно одновременно просмотреть и обочину – нередко пожилые люди при попытке взобраться или спуститься падают в канаву вдоль дорог и уже не могут подняться. Несколько раз влажу в болото... стоячая вода с ряской. Все остальное время иду по щиколотку в воде. Сверху льет дождь. Довольно быстро становится понятно, что в болоте грибы не растут, и вероятность нахождения здесь нашего грибника бесконечно стремится к нулю.

Возвращаемся в штаб, берем новую задачу по оконтуриванию поля и кромки леса рядом с СНТ. Закрываем все это довольно быстро, по дороге встречаем «Лису-6», снявшуюся с маршрута. Типичная ошибка тех, кто приезжает на поиск в первый раз, – дернулись в лес в прогулочной одежде в ливень. Сами такими же поначалу были. Не страшно – лес

научит быстро. Мы, по счастью, свою задачу уже закрыли, поэтому в штаб вернулись все вместе. Холод и очень жуткий ветер. Ветер просто выдувает из тебя тепло вместе с жизнью. Ты физически чувствуешь, как он пробирается внутрь одежды и утаскивает твоё тепло наружу, унося его в даль.

Теплая машина только у Кипятка, так как дизель молотит, не выключаясь принципиально. Остальные тачки заглушены, поисковики экономят топливо, и температура там немногим выше, чем на улице. Нюра выбивает зубами барабанную дробь, окоченевшими руками пытаюсь записывать в блокнот состав групп, ушедших на задачу. Нам наоборот жарко, так как несколько километров, пройденных по двум задачам, серьезно подняли нам температуру тела. Глядя на общее уныние, на замерзших и вымокших поисковиков, мы с Кипятком съездили на ближайшую заправку и привезли горячий чай на всех. Чай быстро раздербанили по кружкам, и общее настроение штаба несколько улучшилось.

До рассвета осталось совсем чуть-чуть, и мы решили лечь в машине поспать пару часов, чтобы продолжить поиск уже при дневном свете.

Через час нас разбудила Нюра, сказав, что нашли... живого.

Нашла пострадавшего Стрекоза. Мне кажется, я тогда увидел ее впервые. Точнее, мне еще не раз так покажется, я годами упорно не буду помнить ни ее лица, ни имени, ни голоса. И она терпеливо, год за годом, зная мой диагноз, под-

ходя ко мне и здороваясь, будет представляться полным именем с позывным:

– Привет! Я Аня... Стрекоза.

Я подолгу буду вглядываться в ее лицо, пытаюсь сопоставить полученную информацию с базой данных в своей голове, а она будет терпеливо смотреть мне в глаза, пока я, наконец, не сложу два плюс два и не улыбнусь в ответ.

Но все это будет потом. А сейчас она просто нашла грибника, остановившись со всей группой на привал. Группа сидела, замерзая под ветром, а Стрекоза тем временем в силу своей неумейной энергии, нарезала круги вокруг места стоянки и неизменно курила. Зайдя на очередной круг, она и наткнулась сначала на оранжевый пакет, а потом уже и на лежащего в траве грибника. Дед лежал под кустами, вытянувшись в струну как оловянный солдатик. Стрекоза отметила наличие дыхания, глаза пострадавшего были открыты, но ни на какие раздражители он не реагировал.

Состояние деда определить никто в нашедшей группе не смог... «вроде спит».

Понятно, что пострадавший без сознания. Мы с Кипятком выдвигаемся на эвакуацию. Нюра упорно просит всех оставаться на месте обнаружения, до подхода нашей группы, для организации эвакуации. Нашедшие обычно не совсем адекватны по причине адреналиновой бури и довольно часто пытаются вынести пострадавшего в другую сторону от штаба. И такие случаи были не единожды.

Но, несмотря на все просьбы Нюры, за сто пятьдесят метров до точки обнаружения мы встречаем всю группу с пострадавшим на носилках. В петли вставлены две осиновые жерди, и носилки несут четверо. Вся процессия медленно двигалась навстречу нам.

Дед лежал во всей своей сырой одежде, накрытый пленкой «спасательного одеяла». Глаза закрыты, дыхание медленное, руки согнуты в «позе боксера». Тело напряжено, как струна. Кожа синюшно-бледная. Пульс на лучевой артерии не определяется. Налицо все признаки гипотермии тяжелой степени. Впереди всего этого шествия Стрекоза и Булка, обе смотрят в навигаторы. В тот самый момент, когда мы подошли к группе вплотную, одна из жердей с громким треском переламывается пополам. Я каким-то чудом успеваю схватить лямки носилок и не даю упасть пострадавшему на землю. Произошедшее дало время уложить носилки в траву и быстро осмотреть пострадавшего. Кипяток идет в начало колонны, чтобы контролировать направление движения.

Мне достались две лямки в ногах. Смотря под ноги, дабы не упасть самому и не стать причиной падения для пострадавшего, я совершенно потерял счет времени. Наконец вся процессия уперлась в забор СНТ, в серых досках которого была проделана небольшая, но надежно закрытая дверь, в которую мы и постучали.

– Кто там еще?! – донеслось из-за забора.

– Спасатели! – после некоторой паузы ответил кто-то из

ГОЛОВЫ КОЛОННЫ.

Естественно, никто с той стороны этому заявлению не поверил, и всем пришлось тащиться вдоль забора в поисках другой, уже незапертой, калитки. Таковая, впрочем, скоро нашлась и, перетоптав грядки с морковью и капустой, процессия вывалилась на дорогу, идущую внутри садового товарищества. Мы шли по ней не меньше километра, но так и не приблизились к штабу. Напротив, мы от него прилично отделились.

Я попросил Кипятка позвонить Нюре и переориентировать скорую в это СНТ.

Выйдя к пожарному водоему, мы опустили носилки на деревянный помост. Все внезапно отошли от пострадавшего и закурили. Я грохнулся на мокрые доски помоста, и принялся за подробный осмотр и переодевание пострадавшего в сухую одежду из эвакуационной укладки, находившейся у меня в ранце за спиной. Сверху хлестал ливень, заливая мне глаза, холодный пронизывающий ветер выбивал из меня остатки тепла, заставляя мои пальцы скрючиваться на морозе. Пострадавший стремительно угасал. Я посчитал пульс – тяжелая брадикардия, менее тридцать ударов в минуту. Времени все меньше. Преодолевая гипертонус, который уже совсем походил на трупное окоченение, я сдергивал с пострадавшего мокрый, прилипший плащ. Зрелище со стороны выглядело жестоко. Распростертый на помосте пострадавший и склонившаяся над ним фигура с ножом, кромсающая рукава

и пуговицы. Первыми из оцепенения вышли девушки.

– Ну что вы все стоите! Ну помогите же вы!

Пара бойцов, стряхнув с себя ступор, грохнулась на колени рядом со мной, и дело пошло быстрее. Стянув с пострадавшего мокрые тряпки, мы укутали его в сухие пледы и накрыли сверху спасодеялом, которое должно защитить его от ветра и дождя.

В тот момент, когда мы закончили, послышалась сирена скорой помощи. Машина влетела на перекресток рядом, развернулась и подъехала задним ходом прямо к нам. Из скорой вышел водитель и фельдшер.

– Вот черт... – сказал я про себя.

Неполная бригада. Пустая машина... не довезут. Пока мы грузили пострадавшего в нутро Газели, я успел заметить самое печальное. Несмотря на то, что мы изолировали пострадавшего от действия холода, его состояние продолжало ухудшаться. Кожа посинела, губы стали черными. Плохой признак, очень плохой. Организм сдается. Тело пострадавшего изгибается в одной чудовищной судороге. Двери скорой закрываются, и машина, включив сирену, уезжает по лесной дороге.

Мне грустно... я понимаю, что это конец.

Дочь пострадавшего, узнав, что деда нашла Стрекоза, сует ей незаметно для всех деньги в карманы куртки. Вовремя заметившая это Аня, достает их и возвращает дочери грибника со словами: «Мы денег не берем, а Вам еще пригодят-

сы». Стрекоза еще не в курсе, но я уже знаю, что она, что называется, напророчила. Естественно, не со зла, и, естественно, вовсе не имея в виду ничего плохого. Никто, кроме меня, пока вообще не понимает сути происходящего. Вокруг веселье и рассуждения на тему «мы сделали все, что могли». Группы медленно движутся к штабу в соседнее СНТ, бурно обсуждая произошедшее.

Мне тяжело идти, я понимаю, что довольно сильно замерз. Придя последним, я вижу продолжающуюся в штабе бурную радость. Чтобы никого не огорчать, я тихо отзываю в сторону Нюру.

– Нюр, не выживет он. Там все совсем плохо.

– Ты уверен? – тревожно смотрит на меня Нюра и, встречаясь со мной взглядом, понимает, что это без сомнений.

– Точно, Нюр. Точно.

Нюра медленно идет к штабу, натужно улыбается разъезжающимся поисковикам и каждому говорит «спасибо».

Позже пришла информация, что пострадавший скончался.

Этот случай заставил меня всерьез взяться за изучение гипотермии. Полгода я потратил на перевод статей и переписку с Принстонским университетом, въедливо изучая их труд под названием «Борьба с гипотермией», принятый в качестве учебника по всему миру.

Так или иначе, события этого поиска очень сильно изменили наше отношение к холодовой смерти и заставили нас

всерьез задуматься о способах предотвращения подобного в дальнейшем.

Моя «Зона комфорта»

Придя в первую, тренировочную зону, я уже отошел от оцепенения и пребывал в полной уверенности, что вот теперь я точно нормально со всем справлюсь. Главное – это преодолеть первый психологический барьер, а дальше все должно пойти как по маслу. Как сильно я ошибался в тот момент, я пойму уже скоро и больше не буду пребывать в состоянии самоуверенности. Я наивно полагал, что опыт пилотирования самолетов мне однозначно поможет в освоении вертолета, но как показала практика, я очень сильно заблуждался.

Извещение по безопасности SN-29 – «пилоты самолетов – категория повышенного риска при пилотировании вертолетов».

– Заход на асфальт, – сказал Дима и посмотрел на меня выжидающим взглядом.

– Выполняю с курсом двести семьдесят, – ответил я, оценив предварительно ветер на площадке.

Так... я собрался и начал строить «коробочку» захода, как делал это много раз на самолете. Подходы открыты, но между третьим и четвертым разворотом поселок, над которым летать не желательно, значит, буду строить вход в глиссаду ближе, а это сильно укорачивает заход, и мне нужно будет потерять высоту заранее, при этом не превысив скорость на

заходе. Глиссада получается довольно крутой, но, оценив параметры, я прикинул, что успею потерять высоту до воображаемого торца ВПП, потом выровнять и прийти к точке посадки уже на нужной скорости. На третьем развороте я уже собрал все стрелки на приборах, выбрав параметры работы двигателя для удержания скорости и потери высоты, вышел к четвертому развороту и, как положено, отдал ручку от себя, воткнув нос вертолета в торец, теряя высоту, стараясь догнать глиссаду. Скорость немедленно начала расти. Привычно я исправил это, убрав газ. При этом я совершенно не сомневался в том, что действую абсолютно правильно. Скорость растет – убираем обороты, скорость падает – добавляем и держим... держим пространственное положение, не позволяя воздушному судну рыскать носом и поправляя креном курс. Идем точно в «торец ВПП». При этом для себя я отмечаю, что глиссада все равно получается очень крутой, неестественной... и даже страшной. Макушки деревьев проносятся под самым брюхом вертолета, инстинктивно хочется поджать ноги. Я никак не могу справиться с нарастающей скоростью. Мне ничего не остается, кроме как взять ручку на себя, чтобы погасить поступательную составляющую, вертолет тут же бодро взмывает и теряет скорость практически до двадцати узлов, и я инстинктивно дернул шаг-газ вверх, добавив мощности на двигатель. Кошмар любого пилота самолета. Потеря скорости на заходе. Собственно, в нормальной ситуации это бы означало только одно – сваливание. Поте-

ря скорости однозначно приводит к потере подъемной силы крыла, и самолет после этого уже не летит, а падает вниз. При этом вытащить его двигателем на такой высоте уже не получится. Просто не хватит высоты на набор скорости. Я уже представил себя в горящих обломках внизу. Траурные ленточки на венках «от друзей», «он потерял скорость на заходе» и тому подобное. Вопреки ожиданиям, вертолет не рухнул, а продолжал двигаться вперед по курсу, набирая при этом высоту, которую я так старательно до этого терял в попытках догнать глиссаду. Я снова сунул ручку от себя, чтобы исправить взмывание, но было поздно. Я уже видел, что просто не успеваю потерять высоту и погасить скорость к точке приземления.

– Уход на второй, – доложил я Диме, чтобы он не сомневался в моих намерениях.

– Да мы же не на самолете! – возразил он и перехватил управление.

Через 5 секунд мы были на земле, точно в центре белого круга, обозначавшего посадочную площадку. Все, чему научила меня авиация до этого момента, полетело к черту. На самолете твоя задача – подобрать параметры и сохранять их вплоть до касания. Именно так получают красивые мягкие посадки. На вертолете такого быть не должно, стрелки твоих приборов не должны стоять на месте, они должны двигаться в едином ритме, постепенно должна уменьшаться путевая и вертикальная скорость, и к точке касания ты должен прий-

ти с нулевыми показаниями. И вот умение рассчитать глиссаду так, чтобы она приводила тебя к посадочной площадке именно с такими значениями, очень сильно отличает пилотов самолетов от вертолетчиков. Дима взял управление и дважды зашел на площадку, комментируя все свои действия и показания приборов, чтобы я смог запомнить алгоритм, а главное – визуально понять, как выглядит глиссада вертолетного захода. Она в результате оказалась куда более крутой, чем я рассчитывал первоначально. В результате первые мои заходы давались мне с трудом. Я часто то недолетал до посадочного круга, то проскакивал его, пытаюсь исправить свои же ошибки. И так или иначе, непреднамеренно пытался сделать глиссаду более пологой по образу и подобию привычного, безопасного (в моем понимании) самолетного захода. Добившись от меня, наконец, хотя бы подобия грамотного захода с разными курсами на асфальт, Дима угнал меня на спортплощадку первой зоны. Та представляла из себя некошеное поле с квадратом лент и конусов в центре, в окружении леса.

– Посадка в квадрат, – скомандовал Дмитрий.

– Посадка в квадрат, – упавшим голосом повторил я его слова уже в виде квитанции.

Посадка в поле... первая в жизни. «Попробую сделать так, чтобы было красиво», – подумал я.

2014. Новая Москва

Очередной грибник пропал в известном многим, кто занимается поисками, СНТ «Троица», что находится в Новой Москве, недалеко от малой бетонки.

Как обычно, я звоню Володе, и он, как обычно, готов сорваться со мной в лес. Забираю его из его трижды проклятого Одинцово и вместе мы едем по бетонке до места назначения, параллельно выкачивая карты и мониторя форум на предмет, кто там приедет и что вообще планируется за поиск. К точке штаба уже едут помимо нас несколько экипажей, а на месте находится неизвестный нам координатор Екатерина с позывным «Катя-Кошка». В то время новые координаторы появлялись, как грибы после дождя. Методик обучения еще не существовало, и набирали всех по принципу «можешь – делай». Народу подъезжало не очень много, а новый координатор точно не знал, кто мы такие, поэтому, нервничая, Екатерина набрала на телефон Грише:

– Edward и BVS едут. Это кто такие? – спросила она, не зная, чего ждать от двойки, которая была в тридцати минутах от места.

– Это наши, лесные. Лоси. На любую задачу! – успокоил ее Гриша.

Мы припарковались чуть поодаль от штаба и начали переодеваться. Поскольку я практически не в состоянии запоми-

нать лица, точнее, мне нужен для этого веский повод и некоторое время в процессе общения, я не хожу в штаб за задачами. Володя для этого подходит больше. Он с ходу врывается в толпу и, раздвигая всех в стороны, спрашивает веселым басом: «Есть чо?» Выслушав вводные и обведя глазами карту, он выбирает самый адский кусок или маршрут и возвращается к машине. Мы дважды проверяем оборудование, сверяем позывной и уходим в лес. За нами смыкаются ветки елей, и весь остальной мир перестает для нас существовать. Ночной лес обволакивает нас своей тишиной и сыростью, и мы просто идем, вдыхая его запах. Мы можем идти и пять, и десять километров кряду, временами останавливаясь на перекур. В такие минуты мы сбрасываем с себя рюкзаки и разгрузки, усаживаемся на какое-нибудь поваленное дерево, и, выключив свет фонарей, слушаем лес. Ночной холод быстро пробирается через мембрану к телу и начинает щекотать спины, намекая на то, что пора продолжать маршрут.

Ночной поиск отличается от дневного. Как бы ни было холодно, наши пострадавшие часто засыпают и не слышат группы, проходящие порой от них в нескольких десятках метров. Поэтому шансы на обнаружение пострадавшего ночью сильно падают. Мы идем по самым дальним просекам зоны поиска. Наш маршрут будет не меньше десяти километров. По просеке идти легко, в тех краях они довольно чистые, и на них прекрасно видны следы. На такой дальности наши рации практически всегда молчат. Крайне редко

какая-нибудь из групп подходит к нам настолько близко, что мы различаем слова вместо шума.

Белый шум. Он всегда есть в эфире. Стоит приоткрыть шумодав, и он тут же начнет мурлыкать в динамике радиостанции. Шум теплый. В ночном лесу он как ниточка, соединяющая тебя с цивилизацией. Все вокруг тебя дикое, косматое, мокрое и холодное, а этот шум... он греет. Я часто убавляю громкость до минимума и слушаю шум на привале. На очередном перекуре мы решаем испытать теплоиды. Температура упала ближе к нулю, и для испытаний было самое время. Химические одноразовые грелки. До того момента они не были столь доступны, но после их можно было купить уже в любом магазине спорттоваров. Вскрыв по две штуки, мы выбираем самые нелепые места для испытаний. Володя прилепил себе на спину и грудь, я же решил засунуть их в подмышки. Логика была проста. Прямо там, в подмышках проходит плечевая артерия, и, нагревая кровь именно в этом месте я, в теории, должен получить теплые руки. В принципе, так оно и получилось. Уже минут через двадцать у меня перестали мерзнуть пальцы. Володя восхищался тем, что у него вспотела спина, которая до того момента скорее мерзла. Испытания прошли удивительно удачно. Практически незаметно для себя, мы вышли на обратный маршрут к штабу. Уже когда до выхода оставалось менее километра, мы столкнулись в лесу с одной из групп, состоявшей целиком и полностью из новичков. Одетые, как разгромленный партизан-

ский отряд, они шли, постоянно спотыкаясь и ворча... это явный признак начинающейся гипотермии. Как они умудрились замерзнуть в движении, стало ясно при детальном рассмотрении. Девочки в джинсах и «пластмассовых» курточках, не закрывавших даже пупок, летние кроссовки. Типичная ошибка новичка – нацепить непригодные для поиска в лесу шмотки и обувь. Посмотрев на их задачу и на их состояние, мы с Володиёй, не сговариваясь, развернули их в штаб. В таком виде они не то что не закроют квадрат, а еще и сами будут нуждаться в помощи. К тому же... мы уже прокричали тот кусок леса, который предназначался им для работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.